

МАРГАРИТА МАЛИНИНА

САМБА

на острове
Невезения

ТОМ

второй

ЮЛЯ И КАТЯ: ПОРА БРАТЬСЯ ЗА РАССЛЕДОВАНИЕ

Маргарита Малинина
Самба на острове невезения.
Том 2. Разоблачение Шутника
Серия «Юля и Катя: пора братья
за расследование», книга 7

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51009903

*Самба на острове невезения. Том 2 / Маргарита Малинина: Авторское;
2020*

Аннотация

Подруги Юля и Катя продолжают выполнять опасное задание – поиск террористов среди участников реалити-шоу: Юля на телепередаче «Спорт для неспортивных», а Катя на шоу «Герой необитаемого острова». О террористах, планирующих устроить взрыв в прямом эфире двух игр одновременно, по-прежнему известно только то, что это мужчина и женщина, и неясно, кто из них попал на какое шоу. На острове к тому же происходят убийства, а где-то рядом бродит гигантская рептилия. Сумеют ли подруги выжить, обличить преступника и найти террористов, прежде чем на двух телешоу произойдет настоящий взрыв?

Содержание

Глава 20	4
Глава 21	23
Глава 22	53
Глава 23	68
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Маргарита Малинина

Самба на острове невезения. Том 2.

«Разоблачение Шутника»

Глава 20

Остров, день 5-й

– Ой, мамочки-и-и! Ой, Боженька мой! Мамочка-а-а! – вопила Анька, отойдя в сторонку от места происшествия и поминутно встряхивая руками, будто ее ладони было испачканы чем-то вязким, от чего можно было избавиться только этим способом. Но нет, ее руки были чисты, видимо, стряхивала она напряжение, а может, они просто тряслись.

Поликарповна роняла слезу, опираясь на Вовино плечо; того воротило от вида крови, вытекающей из остатков шеи, и выглядывающего оттуда позвоночника, потому он старался глядеть куда угодно, только не на труп. Макаронинку Дениса вообще стошнило, он едва успел добежать до ближайших кустов. Виктор на вид казался спокойным, но временами начинал нервно ощупывать бока когда-то привычным, но уже забытым жестом, как я догадываюсь, в поисках отсутству-

ющей пачки сигарет. Я помню, он говорил как-то, что долгое время курил (вроде это было связано с нервной работой), но год назад бросил. Сан Саныч долго крестился, шепча молитву, потом и вовсе ушел, мотивируя это больным сердцем. Никто и не думал останавливать старика. Мы сами не знали, для чего тут стоим. Один Олег Владимирович развивал бурную деятельность: осматривал труп, следы животного, ходил кругами, что-то вынюхивая и высматривая, и сопровождал сие комментариями:

– Тело лежит на спине... Обе руки согнуты в локтях, левая покоится на животе... Ноги также до конца не выпрямлены... Вокруг тела наблюдаются следы крупной рептилии, предположительно, крокодила... К востоку и северу находятся джунгли, в одном месте проложена едва различимая тропа, на земле много сломанных веток и оборванных листьев... На западе от места происшествия расположено засеянное поле, на юге джунгли, не такие густые, выводящие на пляж... Повсюду кровь... Под ногтями ничего нет... Странно! – наконец высказал он свое мнение, разбавив мертвые факты.

– Что ж странного? – дернулся Витя и вновь полез за сигаретами. – Ах, черт! И закурить нечего! – Поняв, что обличил свою слабость, покраснел.

Не разгибаясь, Кожухов мотнул головой в сторону поля: – Как нечего, вон целое поле конопли, – и вернулся мыслями к туловищу, над которым склонялся, продолжая его

изучать.

– Конопля?! – прыснул тот в ответ. – Вы что, так шутите?

– Ни в коей мере. Это чистая конопля.

– Вот так-так... – пробормотал Виктор, очевидно, не зная, что еще можно в ответ на это сказать.

– Откуда вы знаете? – недоверчиво прищурился вернувшийся из кустов Денис.

Перерожденный полководец девятнадцатого столетия ничего не ответил, всецело поглотившись в свое любимое занятие – копать в останках. То есть я доподлинно, конечно, не знала, что у него такое хобби, но то, что совершалось сейчас перед глазами, не оставляло сомнений в том, что это не впервые.

– Да что вы там делаете! – запищала Поликарповна, не выдержав. – Оставьте бедняжку в покое! Нужно вызвать сюда людей! Пусть они разбираются!

– Вызывайте, – отрывисто бросил ей Генерал.

– Я не знаю как! У меня нет телефона! У нас же их отобрали!

– Вот и я про что.

– Ну как? Есть же камеры! – Все молчали. – Что скажешь, Катя? – вдруг обратилась она ко мне. Наверно, оттого что я казалась более здравомыслящей в данный момент. Но это только казалось... Мысли путались, голова готовилась взорваться, да и в горле застрял ком. Девушку было очень жалко, что и говорить. А еще было сильно страшно. Когда ви-

дишь что-то такое, почему-то все время представляешь то себя на месте жертвы, то кого-то из близких. Эти ощущения усиливались час от часу, и я твердо произнесла:

– Пойдемте к ближайшей камере.

Та кинула на меня неприязненный взгляд и первая прошествовала к высокой пальме, на коей уединилась камера № 7. Причина такой неискоренимой ненависти кроилась, видимо, в том, что Любочка боялась, как бы бразды правления лагерем не перешли от нее ко мне, что было весьма и весьма глупо, так как бразды давным-давно держал в своих крепких, подчас смертоносных руках уважаемый и таинственный Олег Владимирович. Так что я ну никак не могла забрать у Бордовой то, чего у нее никогда не было, как бы ни старалась и если бы даже захотела.

Задирая головы кверху, мы стали громко кричать и махать руками.

– Эй, вы, слышите! – надрывалась Поликарповна. – Кто бы сейчас ни сидел по ту сторону, вызовите старших! У нас тут ЧП! Алле! Нужна помощь! Алле-о!!

– Помогите! – вторила я ей.

– Ну и чего вы добились этим? – остудил пыл двух орущих женщин уже отошедший от увиденного, оттого понаглевший Скелет.

– Теперь они знают, что у нас случилось, и прилетят! – огрызнулась Люба.

– А труп они не видели, можно подумать?

– Денис, камеры высоко, и мы не знаем, хорошее ли изображение получается в итоге. Может, им оттуда не видно, кто или что лежит на земле! Возможно, они пропустили нападение чудовища на Анну и теперь не могут понять, отчего мы тут стоим все.

– Чудовище пропустили, а вас заметят, да?

– Заткнись, пацан, – не выдержал Вова, который чаще остальных любил помалкивать. Очевидно, Макаронинка не только во мне, Кожухове и Любаше вызывал чувство раздражения.

– Все равно это глупая затея, – пожал плечами тот и затих на некоторое время.

...Прошло три часа.

– Помогите! Помогите-е-е! – истошно вопил Денис перед камерой, перекрикивая даже Витю и Вована.

Теперь мы уже все столпились возле камеры, так как на ней загорелась кнопочка прямого включения. Мы предполагали, что камеры работают круглосуточно, но куда идет сигнал и не блокируется ли он где по дороге – на это ответить могли только крутые дяди, по чьему извращенному желанию десять человек здесь и очутились. Зато прямой эфир – единственный шанс достучаться до людей. Ведь вчера было голосование, вечером первую серию могли уже пустить в эфир, тогда по логике вещей федеральный канал уже должен начать передавать сигнал. Возможно, кто-то из зрителей не по-

верит в случившееся, посчитает очередным фарсом для повышения рейтинга программы, но те, кто за нас в ответе, поймут все правильно: мы в беде, и нам необходима помощь.

– Мы сделали все от нас зависящее, – остановил соплеменников Олег Владимирович. – А теперь нужно подумать о том, что мы будем есть сегодня до прилета бригады.

– Вы думаете, это займет у них много времени? – спросила Лебедева. Нос у нее, к слову сказать, был красным, не то оттого, что плакала, не то просто сожгла на солнце.

– Милочка, это не делается так просто. Мы им чужие, никто не будет нарушать свои планы, если таковые имеются. Нам остается только ждать.

– Какие могут быть планы?! – взревела тетя Люба, пылая праведным гневом. – У нас тут ТАКОЕ случилось!

Остальные поддержали ее замечание, но Олег Владимирович имел свое собственное мнение, от которого отказываться не желал.

– Что ж, я пойду соберу фруктов, – уныло провозгласил Витя и поплелся в сторону джунглей.

– Эти желтые шары уже в печенках, – фыркнул Денис.

– Пойди и найди что-нибудь другое! – ответила ему Люба.

– Но ведь растут тут бананы где-то? Их даже без ножа открыть можно.

Анька оживилась.

– Да, я помню то место, где мы пытались дотянуться до них. Вместе с... С... Анной. Но не смогли...

– Хорошо, – молвил командир. – Аня и Катя идут со мной за бананами. Виктор собирает желтые плоды. Остальные – вперед за кокосами. Но кого-то одного нужно оставить на пляже, чтобы он встретил группу и привел их сюда.

Все посмотрели на Скелета.

– Все равно тебя явно не обуревают жажда деятельности, – пожал плечами Бордовая.

– Да ладно, понял я, понял, – противно прогнусавил парень и потопал на юг, к океану.

Мы трое направились в обход поля, Анька шла бодрым шагом. Чувствовалось, что ей хочется поскорее заняться злополучными бананами, чтобы отвлечься от мыслей о чудовищной смерти соплеменницы. Еле поспевая за Анькой, я тоже то и дело возвращалась к этому. Вернее будет сказать, почти и не забывала об этом, только иногда косилась на Генерала – не задумал ли чего? Зачем ему и я понадобилась в довесок к Аньке? Но так как ответа все равно не было, я продолжала вновь и вновь вспоминать увиденное – жуткую картину обезглавленного тела Анны.

Что она там делала? В очередной раз, возле поля конопли, если верить Олегу Владимировичу. Я слышала крики. То есть ее загрызли за три минуты до того, как я пришла. Или где-то около того. Несчастные три минуты... А что бы было, успею я раньше? Успела бы на свою смерть? Или, наоборот, спасла бы несчастную? И как она умерла все-таки? Все считают, что ее загрызло животное, один Кожухов высказал

предположение, что убить мог кто-то из людей. А ушедшая в неизвестность голова – эти две вещи могут быть и не связаны друг с другом. Но второе может быть также следствием из первого: если убил человек и почему-то захотел спрятать голову. Как улику? Но почему не спрятал все тело целиком? Не успел? Или не имел такой цели? Ладно, прятать голову, чтобы затруднить идентификацию жертвы, но нас же ограниченное количество, к тому же руны на руках... Нет, я не понимаю. Бред. Однако возвращаюсь к трем минутам. Ее должны были и убить за это время, и отгрызть голову. К тому моменту, когда я подбежала, никого и ничего поблизости не было. И кусты не шевелились. Загадка... Еще одна загадка...

Мы прибыли на место. Раскидистая пальма стояла в двух шагах от нас, сверху на ней виднелись зеленые недозрелые бананы. Ну, на безрыбье, как говорится...

– Ты полезай, – приказным тоном обратился ко мне Владимирович, – а ты будешь собирать внизу то, что ей удастся скинуть, – ткнул пальцем в Аньку.

– А вы? – не удержались мы с ней хором.

Он слегка опешил от такого дуэта, но тут же овладел собой и произнес, как мне показалось, зловеще:

– А я ей подсоблю.

Делать нечего, я полезла на пальму. Олег Владимирович поддерживал меня снизу, потом я не удержалась от искушения и поставила стопу с его плеча ему на голову. Зато от макушки я уже легче оттолкнулась и достигла толстой ветки,

куда переместила другую стопу. Затем перебралась еще выше. Анька же следила снизу.

С превеликим трудом, уговаривая себя шепотом протянуть ладонь дальше и еще дальше, и еще, я все же достала объект руками и принялась рубить его предварительно отданным мне Олегом ножом. Кисть бананов никак не хотела расставаться с мамой-пальмой, и мне сильно пришлось попотеть. Каждый раз вредные плоды выскальзывали у меня из рук, а длинные листья били в лицо. Один раз я даже выронила нож, он воткнулся в землю буквально в десяти сантиметрах от Анькиной ноги. Та пискнула и начала на него глазеть так, словно это был древний артефакт, а сама она находилась в музее или закрытом заповеднике. Кожухов забрал ножик сам, и мне пришлось спускаться на пару метров вниз, чтобы он смог мне передать это орудие.

Наконец, изрядно поматюгавшись, я поборол тягу банановой кисти к жизни и скинула ее вниз.

Лебедева вмиг подобрала приз, а Олег Владимирович, нахмурившись, выдал:

– Этого будет мало для того, чтобы прокормить племя.

– Знаете что? С меня и этого предостаточно. Кому надо – тот пусть сам лезет, понятно? – огрызнулась я.

В следующую минуту произошло нечто настолько непредсказуемое и жестокое, что я до сих пор дрожу то ли от гнева, то ли от страха, вспоминая это.

Олег Владимирович Кожухов, мой соплеменник, уже раз

покушавшийся на мою жизнь (и это если не считать кокосы), начал раскачивать пальму, на которой я сидела, да с такой силой, что все мысли о бананах сразу вышиб, потому что голова была занята уже тем, как бы не последовать примеру убиенной Анны и не отделиться от туловища. Сквозь пелену смешавшихся в одно размытое пятно ветвей, лиан и лучей солнца, мелькающих перед глазами, я заметила подбежавшую к Кутузову Аньку, орущую на него: «Что вы делаете?!» – и стучащую по спине кулачками в жалких попытках оторвать злодея от дерева. Конечно, тот был непреклонен в своем желании лишиться, наконец, меня жизни и, мало того что не отпустил ствол, стал трясти его еще исступленнее. Жесткие листья неистово хлестали меня в лицо и по рукам, в конце концов пальцы ослабли и разжались, и мое несчастное тело мгновенно полетело вниз.

Очнулась я, лежа на спине. Открыв глаза, увидела перед собой заплаканное Анькино лицо. Надо же, подумалось мне в тот момент, как отчаянно она сражалась за жизнь своей коллеги, с которой, в общем-то, отношения уже давно не складывались.

Ощущения были такими, точно сердце предприняло попытку покинуть тело через рот, да так и застряло посреди горла, не рассчитав своих габаритов. Ребра, органы, вены и артерии взорвались и летали теперь в моем организме по клочкам, словно оказавшиеся в невесомости космонавты.

Я пару раз моргнула и предприняла попытку встать, которая окончилась плачевно: затылок начал болеть со страшной силой, я схватилась за него рукой и опрокинулась назад.

– Давай я тебе помогу, – вызвалась Кучерявая и действительно помогла. – Ты не поверишь, что он творил! – взволнованно начала она рассказывать по дороге на пляж. По дороге, по которой, кстати сказать, я всем весом опиралась на ее плечо, пока она поддерживала меня за талию.

– Это ты не поверишь, но я прочувствовала на себе все, что он творил, так что можешь не утруждаться описаниями.

– Да нет же! После того!

– После того, как свалил меня с пальмы?

– Ну да! Помимо тебя, он скинул еще огромную связку бананов. Неужели это и было его целью? С ума сойти. Так он потом как ни в чем не бывало поднял все бананы и свой нож с земли и... и... И ушел! Вот так запросто! Вернулся на пляж!

– О, поверь мне, это на него так похоже! – грубо расхохоталась я. – Я совсем не удивляюсь такому повороту.

– Что это за человек такой? – возмущалась провожатая. – Разве так можно с людьми поступать? Кого нам сосватали на этот остров? Давай пожалуемся на него организаторам!

– Думаю, это бесполезно. Они все про него и так знают.

Когда мы докандыляли до пляжа, увидели, что лагерь кипит деятельностью. На кухне что-то варилось-жарилось, шуршали пальмовые листья на столе и большие тарелки-ра-

кушки в руках. Люди громко переговаривались и смеялись, точно чему-то радуясь или кого-то хваля.

Как выяснилось, мне не показалось: за время нашего отсутствия предоставленный сам себе Сан Саныч сумел наловить немного рыбы. Это была первая, пусть и незначительная, победа над зловещим океаном, потому все ликовали. Душа моя успокоилась: такого полезного человека никто не захочет удалить из племени на следующем голосовании.

А вот вечно падающую Катю, да и притом не приносящую никакой, в отличие от бравого Кожухова, добычу, ой как захотят...

Так, спокойно, я что-нибудь придумаю, еще пять дней до голосования...

До какого голосования?! О чем ты только думаешь? Человек на острове умер!

– Почему так долго? – резко спросил нас Олег Владимирович, выглядя при этом так, точно мы опоздали на совещание с важным докладом или же на контрольную по математике, от которой зависела итоговая оценка в полугодии. Такой неподдельный упрек на лице! Как будто он не знает, где и почему мы «прохлаждались»!

Моя коллега от возмущения раскрыла ротик и уже собралась что-то ответить, но я дала знак рукой и произнесла, жестко глядя ему в глаза:

– Я упала. Представляете?

Ни один мускул лица не дрогнул.

– Пока вы тут падаете, вы могли пригодиться лагерю. А теперь прошу к столу.

– О, спасибо! – гаркнули мы с Анькой озлобленно и заняли места в кругу.

Остальное племя поглядывало на меня с тревожным любопытством. Наверное, видок был у меня тот еще.

– Катя, возьми, – протянул мне Саныч наполненную пищей ракушку. – Здесь рыба жареная и немного кокоса. Нам удалось раскрыть только два.

– Спасибо, – кивнула я в благодарность.

– Олег принес еще бананов, но мы решили оставить их на ужин.

Я икнула. Олег принес! А лазил кто, он не потрудился рассказать?

За обедом, который по времени больше тянул на ужин, все хмуро молчали. Отложив ракушечные блюда, принялись за старое. Начали обсуждать смерть Анны и задержку съемочной группы – или бригады, как называет ее Олег. Я от комментариев воздерживалась, только слушала.

– Уже пара часов прошла после прямого эфира, – эмоционально говорила Люба, – как они могли еще не приехать? Значит, что-то стряслось с вертолетом! Не могли они нас бросить, не могли!

– Могли-могли, – скорее из соображений сказать что-либо наперекор, нежели выразить свое истинное мнение высказался Скелет.

– Как странно лежит труп... – бубнил сам себе Олег Владимирович. – Отсутствуют следы борьбы... Загадка.

– Как крокодил мог допрыгнуть до ее головы? – рассуждал Витя. – Значит, он должен был сначала сбить ее с ног. И тогда уже откусить голову. Но других укусов у нее вроде не было... Или было? А, народ?

– Нет, ничего не было, – ответил Олег.

– Либо он такой гигантский, – предположила Анька, – что подполз, чуть привстал на задние лапы и – ам! Дело в шляпе.

– Анечка, что за ужасы ты говоришь! – набросилась на нее Бордовая. – Я тебя не узнаю!

Да и сама Анька начала трястись, когда осознала сказанное ею.

Я же едва подавила усмешку.

Сан Саныч вытаращил глаза:

– Аня, что же это за чудище тогда такое? Если может стоять на задних лапах и отгрызать головы спокойно? Только в сказках такое... чудище лесное!

– А у нас песчаное, – гыгыкнул Витька.

– Нет, джунглевое, – поправил Вова, вытряхивая из длинных волос песок. Лучше бы голову вымыл. А то весь этот песок теперь на обеденном столе.

– Ребята, я вас не узнаю! – подскочила Любовь Поликарповна и начала крутиться вокруг своей оси, протягивая руки к каждому. – Как можно смеяться в такой момент? Вы все монстры! Нужно думать о спасении! Вдруг это существо

придет сюда? Вы об этом не думали?

Все молчали, тогда она обратилась взором и руками к одному Олегу Владимировичу.

– Оно побоится, здесь много людей, – пришлось ему что-то ответить.

– Вы так хладнокровны все время! – рявкнула на него и села. – Ну а если не побоится, что тогда?

– Тогда мы все покойники, – согласился Вова, стряхивающий теперь песок со стола на землю, словно в послушание моим невысказанным упрекам.

– Все мы не умрем, – спокойно возразил Олег Владимирович. – Кто-нибудь обязательно останется.

Остров, день 6-й

Эту ночь мы не спали. Мы жались друг к другу, всматриваясь в непроглядную темень окружающей среды в наивных помышлениях успеть среагировать на приближение опасного, непознанного зверя и тем самым сохранить себе жизнь. При этом понимали, что не сумеем его разглядеть. От этого весь организм поглотил тревожный, неприятный страх. Когда я закрывала глаза и погружалась в короткий сон, мне чудилось, будто мою голову заглывает мифическое животное наподобие индийской Макары – с головой крокодила, туловищем дельфина и рыбьим хвостом. Я тут же просыпалась, чтобы вновь ощутить себя одним из восьми соплеменников, трясущихся от ужаса и готовых в любую минуту на-

чать неравную схватку с гигантским хищником в нелепой надежде его отпугнуть.

Так продолжалось до утра.

Когда уже зиждился рассвет, я малость прикемарила, а очулась от звука громкого чавканья над ухом. Оказалось, что Скелет доедал последний банан, ни у кого не спросив разрешения. Вован взирал на то беспристрастно (очевидно, все еще был уверен, что все мы умрем, так зачем тогда есть), а Кудрявая – с чувством легкой зависти. Бордовая и Саныч дремали. Виктор ходил по берегу возле кромки воды – взад-вперед, как делают чаще всего душевнобольные, а Бравый Генерал восседал под свой излюбленной пальмой в десяти шагах от нас.

Еще через пару часов все окончательно избавились от состояния дремоты и никак не могли взять в толк, отчего не летит съемочная группа с полицией на борту. Каждые пять минут кто-то из нас бегал к ближним камерам с новыми сигналами «SOS», а когда загорелась кнопка прямого включения (значит, было уже 10 часов), столпились там все сразу, но это, похоже, не возымело должного эффекта. По крайней мере в последующие пять часов никто за нами не прилетел.

– Я же говорил! – радовался своей сообразительности Денис. – Они нас бросили! Теперь это реалити-шоу «Выживи»! В прямом эфире!

– Заткнись, – бросила ему Любовь Поликарповна.

Когда мы уже устали ждать и почти поверили Денису, чи-

стое, голубое, с очень редкими серыми вкраплениями-облачками полотно небес пополнилось едва различимой пока точкой, а загадочную сегодняшнюю тишину острова вскоре разрезал звук скоростного вертолета.

– Летят! – обрадовались все и запрыгали.

Однако эйфория сменилась праведным гневом, как только вертолет сел.

И чего только не выслушал Фокс в течение следующих двадцати минут! В любом случае я была рада, что они все-таки прибыли. Наконец-то меня заберут отсюда. Домой... К маме... К едреной фене это шоу! И продюсеров туда же!

Каково же было мое в частности и всеобщее в целом удивление, когда ведущий сказал:

– Итак, тело мы забираем. Окончательную экспертизу проведут уже в Москве. Придется переснять голосование...

– В каком смысле переснять? – испугался Виктор. – Вы что, собираетесь продолжить шоу?

А вслед за ним и все всполошились:

– Не хочу никакого шоу! Заберите нас отсюда! Домой! Плевать на «Пежо»! Тут такое творится! Крокодилы!

– Тише, тише! – замахал на нас руками Фокс.

Далее творилось что-то вообще из ряда вон. Из вертушки вышли презентабельные дяди (наверно, директора продакшена или их юристы) и последовательно, опираясь на факты и документы, находящиеся в их папочках, доказали нам, что мы не имеем права покидать игру, так как самолично распи-

сались под пунктом «что бы ни случилось на острове...».

В момент разразившейся потасовки (племя не могло так просто смириться с фактами, даже неоспоримыми) меня отвел в сторонку Муравьев.

– Что тут у вас стряслось?! – сразу накинулся, едва мы остановились. Глаза сияли странным огнем, выражающим тревогу и самый настоящий испуг. Никогда таким Сергея я не видела.

– Анне отгрызли голову.

Далее я вкратце пересказала события, мимикой показывая свое к ним отношение. Что и говорить, оно имело негативный окрас.

– Ладно, слушай, писать это долго будешь, а у нас нет времени. Я передам все на словах, – предложил Сережа и достал два письма от Юли и дяди Бори.

«Катюха! – гласило первое. – Один мужик с моего проекта говорил что-то про взрыв на острове через неделю (это было позавчера вечером). Надеюсь, братья примут меры, но на всякий случай говорю еще и тебе об этом! Будь осторожна! Он говорил еще, что у него есть баба на острове, которая «все сделает как надо». Скорее всего, они в одной лодке. А может, и нет. В общем, смотри в оба».

«Уважаемая К.! Камеры, в том числе указанные тобой, снимают, по моим данным, круглые сутки. Все эти потоки информации передаются от камер в строго засекреченную организацию, куда идут оттуда – неизвестно. Это крутые дя-

ди, к которым не подступишься без определенных санкций самого высокостоящего руководства. Чтобы получить нужные сведения, тебе придется выкрасть карты памяти из камер. И как можно быстрее, они начнут перезаписываться, когда объем карты закончится. Передашь это Сергею, пока он не улетел. Нужно успеть. Твой Б.Н.

P.S. Под проект выделена территория размером в тридцать квадратных километров. Она ограничена металлической сеткой высотой в пять метров. Если на этой площади течет медленная илистая река, возможно, крокодил угодил в ловушку и вынужденно живет теперь с вами. Отмерь от следов сто шагов во все стороны – на большее расстояние крокодилы и аллигаторы не рискуют удаляться от водоема. Если водоема нет – нет и крокодила».

– Сережа, когда вы улетаете?

– Как только снимем новое голосование.

– А его начнут снимать сразу, как только прилетевшие осмотрят место происшествия и заберут тело... Времени очень мало!

Муравьев глянул на часы:

– Учитывая, что сейчас идет прямое включение, его вообще нет!

Я хитро прищурилась и подмигнула ему:

– Ну не скажи...

Глава 21

Итак, пока большинство людей скооперировано на месте Анниной смерти, внимание камер будет обращено именно к ним, а остальные будут пребывать в спящем режиме (как, кстати, телевизионщики в итоге выкрутятся? скажут зрителям, что это был розыгрыш?). Я спокойно смогу снять нужную мне камеру и достать флешку.

Как выяснилось, «спокойно» оказалось неверным словом. Я выбрала самую ближнюю камеру к тому месту, где впервые обнаружила огромные следы лап рептилии, и принялась на нее карабкаться. Не к добру будет помянут, но все испытания, через которые я прошла по вине Кожухова, принесли ощутимые плоды в виде полезного набора навыков, с помощью которых препятствие я преодолела быстро. Зато уже наверху пришлось изрядно повозиться. Боясь каждую секунду, что красная лампочка прямого эфира загорится, и вследствие этого стараясь максимально отдаляться от глазка камеры, я делала всяческие движение пальцами одной руки, в результате которых планировалось, что карта выпадет мне прямо в ладонь (другой рукой и ногами я тем временем цеплялась за ствол дерева). Но не тут-то было. Только когда я умудрилась держаться за пальму одними ногами (вот кому надо было идти на шоу «Спорт для неспортивных»), тогда обе руки сумели нажать на нужную кнопку, чтобы изъять ве-

щественную улику. Взяв ее в зубы, но осторожно, чтобы не испортить драгоценную микросхему, я медленно спускалась вниз, пока, уже пребывая всего в одном метре от земли, не услышала голос Саныча:

– Катя, что ты делаешь? Не время добывать кокосы, сейчас начнется голосование.

Ответить я не смогла, так как рот был занят миссией. То есть... Ну вы поняли.

Я спрыгнула и обернулась.

– Что это у тебя в зубах? – удивился старик.

Я разжала челюсть, и карта памяти упала мне в ладонь.

– Сан Саныч, можно вас попросить об услуге?

– Конечно, – немного растерянно отозвался он.

– Во-первых, я прошу не задавать вопросов, во-вторых, я прошу вас переключить на себя внимание одной из камер в тот момент, когда все люди, находящиеся на месте смерти Анны разбредутся ставить ширмы под голосование.

– Но... но камеры и так переключатся на тех, кто будет делать комнату для голосований. Или ты как раз этого не хочешь?

– Дело в том, что в процессе работы люди не сосредоточены в одном месте. Пока одни пойдут к вертолету за ширмами, другие уйдут за лопухами, третьи – за бамбуковым ковром, четвертые займутся столом и черным ящиком...

– Я понял тебя. А ты где будешь?

Я глубоко вздохнула и спросила себя, а верю ли я этому

человеку. Вопрос о доверии постоянно встает в нашей повседневной жизни. Перед тем, как пошутушукаться с сотрудниками на работе, вы должны быть уверены, что эти люди не расскажут начальнику или другому человеку, о котором вы говорили, что они от вас слышали. Доверяя подруге тайну, вы должны быть уверены, что она не расскажет вашим родителям... И так далее. Но как часто люди доверяют другому свою жизнь? Наверное, это неотъемлемый элемент дайвинга и альпинизма, но ты доверяешь человеку физически, а не психологически. Ты знаешь, что в определенный момент у него должно хватить умения и сил вытащить тебя на поверхность. А психологически... Это значит, что человек, которому ты доверился, должен побороть в себе гадливую гомосапиенсовскую привычку молоть языком, лишь бы привлечь к себе внимание и повыситься в собственных глазах, и сохранить твою тайну, даже если она самая необычная на свете.

Я знала, что дед не из болтливых и отношения со мной ему важнее, чем внимание и признание другими. Иначе, если Шутник вдруг услышит, чем я тут занимаюсь... Мне не поздоровится. Однако оставалась совсем крохотная, микроскопическая вероятность, что Сан Саныч и есть тот самый...

Ну хватит!

Один раз любимый человек сказал мне, что я подозрительная до паранойи. С тех пор я стремлюсь исправиться.

– Я? Я буду доставать карту памяти из камеры, висящей перед местом смерти Анны.

– ??? – невысказанный вопрос так и застыл где-то посередине между глазами и бровями. Чтобы он там поместился, последние пришлось приподнять.

– Вы же слышали, это часть моей просьбы – не задавать вопросов. Так вы готовы мне помочь?

Думал он всего секунду.

– Да, Катюша, я весь твой.

Мы передислоцировались: я заняла позицию у подножия пальмы, скрывающей в своей ярко-зеленой листве камеру № 7, а Сан Саныч расположился возле камеры № 8, положение которой позволяло нам видеть друг друга, хоть и на некотором расстоянии.

Он показал мне крест из двух указательных пальцев, это значит, что его камера тоже не работает. Значит, кто-то сейчас тащит ширмы мимо одной из камер на пляже, внимание переключено на них. Пока это происходит, нужно успеть предпринять хоть одну попытку.

Я плюнула на ладони и ловко прыгнула на ствол. Благодаря стараниям Олега Владимировича у меня это получалось уже без напряжения, я на них собаку съела, на пальмах этих.

Пока я приближалась к верхушке, на пляже что-то произошло, видимо, люди просто разошлись в разные стороны, либо удалились от камеры, короче, задрал голову кверху, я обнаружила красную лампочку.

– Блин...

Повернулась корпусом к другу Санычу, насколько это бы-

ло возможно исходя из моего висячего положения, и молниеносно показала ему знак «ок» большим и указательным пальцами, что говорило: моя камера заработала. Молниеносно – потому что нужно было срочно возвращать правую руку на пальму, иначе можно и дрепнуться.

Одновременно этот знак являлся призывом к действиям, поэтому Сан Саныч приблизился к пальме и начал прыгать, я же, напротив, замерла, пригнув голову как можно ближе к стволу. Как только лампочка потухла, я полезла дальше. Очень медленно переставляла я руки и ноги и отчего-то старалась реже дышать, как будто камера могла зафиксировать изменение соотношения углекислого газа и кислорода в пользу первого. Или могла? Дышать после этой мысли и вовсе расхотелось.

Я не смотрела больше на деда, но его громкое пыхтение, бодро разлетающееся по округе, утверждало, что он старается на славу. Однако этого подлым камерам было недостаточно и, когда я уже поднялась так высоко, что могла дотянуться до нее рукой, неожиданно загорелась красная лампочка.

– Черт! – вспомнила я нечистого, гнев кипел во мне со страшной силой, хотелось ударить по пальме кувалдой. Ее счастье, что у меня ее с собой не было.

С превеликим усилием я начала движения вокруг пальмы, но вскоре поняла, что развернуться в другую от глазка камеры сторону, увы, не удастся. Слишком велика вероятность моего красивого и быстрого падения. Так как я уже

прошла на себе, что это такое, и особого удовольствие мне сие мероприятие не доставило, повторять подвиг как-то не улыбалось.

Зато небольшой сдвиг вокруг ствола, который все-таки получилось совершить, помог мне лучше видеть моего дорогого пожилого друга. Ввиду того что держалась я уже из последних сил, знаки пришлось подавать не пальцами, а языком:

– Больше движений! – крикнула я ему, уже не заботясь о том, что вся страна сейчас слышит мой гадкий, надрывистый голос.

Остров, оказывается, тоже не был глухим, оттого прекрасно расслышал ор и двинул в мою сторону некоторых представителей своей фауны – хищную Любовь Поликарповну и косолапого Вована.

Увидев их через пару минут, вышедших откуда-то из зарослей с огромными лопухами в руках, я выдала уже более непристойное словцо, нежели до этого, и не стану его здесь повторять.

Саньч, однако, их еще не видел, а потому продолжал отплясывать на все лады. Он уже приналадил пальмовый лист вокруг талии наподобие аборигенской юбки, полагая, очевидно, что стильная камера обязана разбираться в нынешней моде и всенепременно оценит его навыки искусно одеваться на острове, отблагодарив допуском до прямого эфира, но как будто бы немного сомневаясь в собственных предполо-

жениях, он все-таки еще и пританцовывал ламбаду, крутясь на одном месте, дабы камера, окончательно влюбившись в деда, как замороженная, следила только за ним и позабыла про меня.

Честно говоря, если бы она так поступила, я б ее поняла всецело: не смотреть на семидесятилетнего старика, напялившего поверх закатанных брюк пальмовый лист, растянувшего до середины груди рубашку, машущего руками, крутящегося и танцующего ламбаду одновременно, да еще и подпевающего самому себе, чтобы не забыть мотив, – было невозможно. Даже я не могла оторваться от эдакого зрелища и открыла рот, это – я имею в виду временную немоту – дало мне возможность остаться для новоприбывших незамеченной.

– Вов, ты только посмотри на него! – всплеснула руками Поликарповна-хищница. – Звезда эфира, блин!

Ее приятель дремуче гыгыкнул, еще более уподобившись медведю.

Дед вздрогнул, словно получив пощечину, и обернулся к ним.

– Что это вы здесь делаете? – спросил срывающимся на писк голосом.

– Мы-то? Это ты что делаешь, пока мы трудимся во благо нашего племени?

Здесь Санычу удалось побороть смущение и собраться с мыслями. Ответил:

– Это помощь в организации фальшивого голосования с целью сокрытия чудовищного преступления ты называешь трудиться во благо племени?

– Ой, ну не надо патетики! Ты-то что тут вытворяешь?

Эта фраза помогла деду окончательно собраться и, вспомнив о возложенном на него задании, придумать новый способ завоевания симпатии надзирательницы камеры: он схватил в охапку Любу и принялся выплясывать уже с ней на пару. Поликарповна пицала и отбивалась, сперва сильно, затем уже скорее для проформы, что и говорить, мужчины давненько не таскали ее на танцпол. А молодость вспомнить ой как хотелось!

Вован «проформы» не понял и кинулся выручать старшую подружку.

Это все мне было на руку. Уже трое людей перед объективом совершали дикие, обезьяноподобные движения, и я со спокойной душой полезла во внутренности моей камеры. Покопавшись, извлекла нужный предмет, и через каких-то полминуты после этого, когда я уже робко начала передвигаться по направлению к земле, появился жутко деятельный дядька, весьма похожий своей сверхактивностью на Фокса, но сильно отличавшийся от него же по внешнему виду (никаких аляповатых цветов, строгий черный костюм с галстуком), и заорал на них, чтобы немедленно прибыли на место голосования, так как время – деньги, и они уже замучились ждать.

– Ох уж эти спонсоры, – сказала я карте памяти и, дождав-
шись, когда все четверо отчалят вперед на безопасное рас-
стояние, в быстром темпе продолжила спуск.

Что и говорить, прибыла я на голосование последней. Ве-
дущий жутко ругался, но я махнула на него рукой, переняв
его же привычку общения, а языком молоть не хотелось, так
что Фокса не удостоила даже словесным ответом, в котором
он, впрочем, не сильно нуждался. Выпустив пар, начал:

– Вступление мы возьмем из предыдущего голосования и
то, и как вы выходите к Черному Чану, а конец... Вы увере-
ны, что вы так и сидели в прошлый раз? – прервал он сам
себя. Уверены мы не были, потому забегали, как муравьи по
муравейнику, пытаюсь определиться с правильным местом.
Наконец расселись. Двух человек все равно не хватало, так
что как справляться будут операторы, я не знаю. Хотя они
могут брать в кадр по двое или трое из тех, кто сидит сейчас
так же, как и на том голосовании. – Вот, а конец голосования
мы переснимем. Те, кто помогал с бумажками: все сделали,
как я велел?

– Да, – пискнули Анька и Денис.

– Отлично, итак... Мотор!

Ведущий стукнул в гонг и провозгласил:

– А сейчас я оглашу результаты! – Если мне не изменяет
память, это были те же слова, что и в прошлый раз. Очевид-
но, я несколько преувеличила ораторское мастерство Попу-

гая, он даже не смог придумать ничего новенького. А может, это был особый ритуал слов, поди разбери. – Уважаемые участники шоу! Сейчас мы наконец-то узнаем, кто первым покинет наш проект, так и не вкусив всех прелестей жизни на этом замечательном острове в рамках этого чудесного – спасибо спонсорам! – проекта. А спонсировали, кстати сказать... – Далее шло перечисление организаций и частных лиц. – Что ж, пришло время для подсчета голосов. – Он начал разворачивать листки с именами. – Анна Темникова, Анна Темникова, Анна Темникова, Темникова, Темникова, Темникова, Темникова, Олег Кожухов, Темникова и десятый голос... Олег Кожухов. – У Фокса вытянулось лицо. Он показал знак операторам выключить камеру. – Это что такое?! Я просил только одну бумажку с другим именем! Зачем положили две?

Кощей Дохлый завопил:

– Я не клал!

Ведущий зыркнул на Аньку, она потупилась и выдала:

– Так голосование больше похоже на натуральное!

Вместо того чтобы обозлиться еще больше, ведущий хихикнул:

– А девочка соображает! Ну ладно, вернемся к шоу.

После знака камеры включились.

– Что ж, подводим итоги. Два голоса против Олега Кожухова, – надо же, как и в тот раз, подумала я, – и восемь против Анны Темниковой. Что ж, уважаемая Анна, для вас этот

проект закончен. Вознаграждение в размере двухсот пятидесяти долларов США за пребывание на острове в течение пяти дней будет перечислено сегодня же на ваш счет в банке. Если вы хотите сказать что-то на прощание... то придется придержать это при себе, потому как у нас проект о выживании на необитаемом острове, а не ток-шоу Малахова! Здесь не дают высказываться! Вы покинули проект, всё, вас нет уже, так что никаких заявлений! Ха-ха! – на оптимистической ноте гогота ведущего операторы получили добро выключить камеры, направленные в момент монолога только на мистера Фокса (по понятным причинам на объект высказывания они направить уже не могли). – Ну как? – обратился он к ним.

– Из той съемки, – ответил напарник Муравьева-Тараканова, – можно будет взять ее лицо крупным планом и засандалить сюда. Так что, думаю, все получится.

Возник суровый голос из проема ширмы:

– Думаешь или уверен?

«Что за страшные и злые люди эти продюсеры», – подумалось мне, а оператор даже затрясся с испуга и произнес неуверенно:

– Ув-верен.

Открыл рот, желая добавить «кажется» или что-то вроде того, но разумно придержал при себе.

Серьезный дядя – не тот, что гнал Саныча и остальных на голосование, а другой, в светлом костюме – самодовольно

хмыкнул.

– Ну и отличненько! – потер ладони радостный Фокс. Именно что «радостный»! Это очень резало и ухо, и глаз, так как на острове умер человек, а они все делают вид, будто испортилась пленка и только поэтому все переснимается сейчас. А после новой съемки проблема устранена, можно жить дальше! Бред.

Куда меня заслал Григорий Николаевич? Прав был Борис, а я, как всегда, не слушалась... Здесь играют чужими жизнями как хотят. И моей будут... Если потребуется.

От этих мыслей стало страшно, и волна мурашек пробежала по спине и ногам.

– А что вы сидите? – воззвал к нам ведущий. – Шоу закончено, идите отдыхайте, вы сегодня славно поработали. Комнату мы сами распакуем и погрузим.

– Подождите, мы одного не понимаем, – начал Виктор, переглянувшись со всеми и получив молчаливое согласие. – После первого голосования должны были работать камеры прямого включения. В эфир уже поступили кадры того, как Анна здесь ходила, а возможно, и того, как она умерла. Мы же сами кричали в них об этом! – Все племя закивало.

Ведущего этот вопрос заставил посерьезнеть и даже взгрустнуть. Как будто была какая-то тайна, о которой он не хотел говорить.

– Дело в том... – начал он, но не закончил. Просто посмотрел на продюсера, давая тому слово.

– Дело в том, что прямого включения не было.

– Как?!

Мы все воззрились на незнакомого молодого человека, решившего рассказать нам правду. Стряхнув со светлого пиджака незримые пылинки, он продолжил индифферентным тоном:

– Действительно, пару часов в сутки камеры работали в фоновом режиме, но это были репетиции. Мы же не можем сразу выставить на центральный канал сами не знаем что! Нужно было проверить, как это смотрится все, как работает. Так что радуйтесь, ваших постных рож пока еще никто, кроме нас, не видел.

Закончив фразу, мужчина повернулся и ушел.

Я глянула на деда, а он – на меня. «Звезда эфира». Это все было зря! Но, может, и не зря. Вдруг кто-то из «шишек» все-таки следил за нашими передвижениями, и ему бы не понравились мои игры в хирурга для камер.

– Слушайте, – влез Попугай, – я все понимаю, понимаю, как вам тяжело, вы лишились члена своей команды, причем таким ужасным образом... Сегодня вечером мы привезем вам провизию! Отдохнете как следует. И не только еду, можете заказывать прямо сейчас, что еще добавить. Шампуни? Мыло? Одежду, полотенца? Косметику? DVD-проигрыватель с дисками, работающий от аккумулятора? Все что угодно!

– А безопасность нашу вы можете включить в пакет

услуг? – снова высказался разозленный Витя. – Это существо, убившее Анну, сперва полакомится вашей провизией, затем примется за нас.

– Послушайте, я сам не знаю, что произошло! Мы передадим информацию важным людям, они окажут помощь. Вместе с нами вечером прилетят специалисты, они обследуют территорию и при малейших признаках опасности вас депортируют с острова! Это я гарантирую. Ну потерпите еще немного.

– Посиди тут с нами, – взорвалась Люба, перейдя с ведущим на «ты», – ожидая нападения в любую минуту и не поспи ночами от этого, и посмотрим, как ты заговоришь! – Она вскочила. – На это мы не подписывались! Мы подписывались на шоу с ограничениями в еде и выбываниями каждые пять дней по одному человеку! Всё!!! А не на смерть!!!

Остальные тоже вскочили и принялись орать, подбадривая лидера – Любу. Конечно, лидера не в общем понимании, а лидера в затеивании ссор.

Я, как всегда, воспользовалась случаем и подошла тихонько к Сергею. Быстрым движением вынула из кармана шорт две карты памяти и передала ему.

– Отдай Борису.

– Понял. Удалось, значит?

Мы говорили шепотом, наклоняясь друг к другу, чтобы расслышать.

– Ага. Это ж я!

– Молодчина.

– Ну как там Юлька?

– На лошадях сегодня каталась.

– Да? И не побоялась? Не узнаю свою подругу. Ей явно шоу на пользу идет. Не то что мне...

– Я так понял, что вроде ей не досталось коня для репетиции. Но для промежуточной серии я ее снял. Так что в седле она опробовалась.

– Как у нее тренер?

– Ты знаешь, на мой взгляд не очень. Орал там на всех, чуть что – за нож хватается! Ну знаешь их – люди гор. Такие вспыльчивые. Но ей почему-то нравится.

– Рада, что они поладили.

– Прикинь, он ее персиком называет! – совсем уж разоткровенничался Серега.

– Что? – Я хихикнула. Ну надо же. Юлька – и персик! Приколжно.

Чтобы не вызвать подозрений, я отошла от него в другой конец импровизированной комнаты.

Когда потасовка завершилась (а завершилась она по традиции с победой главных, как мы их называем внутри племени «главнюков»), группа села в вертолет и улетела. А мы снова остались на острове. Тревожные, голодные, злые и вздрагивающие от каждого шороха пальмовых листьев.

Остров, день 7-й

Вчера никто так и не прилетел. Ни провизии, ни «специалистов», ни ведущего со съемочной группой мы не дождались. Честно говоря, я лелеяла в душе надежду, что среди этих самых специалистов окажется мой ненаглядный дядя Борис или его старший брат, или хотя бы господин Захватов, что означало бы, что меня не бросили, что они следят, охраняют и заботятся. А сегодня надежды уже не осталось. Да и как я могу надеяться увидеть кого-то среди людей на вертолете, если нет никакого вертолета?

Измученные предыдущей бессонной ночью, вечером мы тоже терпели как могли, но все же заснули. Все восемь человек сгруппировались в один кружок между двумя хижинами, возле костра, и спали недолго, но крепко и едва ли не в обнимку.

А с утра я решила на всякий случай наладить отношения с социумом. А то вдруг крокодил снова проголодается и выйдет из своих джунглей? Тогда будет не до этого. Получится, что я уйду из этой жизни обиженной и непрощенной в одном флаконе. Так нельзя.

– Аня, можно тебя на минутку? – отозвала я Кучерявую в сторонку, пока остальные бились над вопросом, почему к нам никто не прилетел вчера, находясь все в том же месте, так же в одной куче.

– Да, Катя. Что ты хотела? – доброжелательно обратилась ко мне Лебедева, когда мы ушли в сторону, ближе к воде.

– Это ведь ты написала Олега Владимировича?

– В этот раз? Да. Дважды. – В Анькиных глазах появилась ненависть. – За это голосование и за то. Потому что он чудовище. Я не понимаю, как ты можешь с ним якшаться после всего, что он сделал с тобой?

– Мне приходится. Он может многому научить, что поможет нам всем выжить. Пока что он полезен, понимаешь?

– Что ж, – вздохнула она. – Если ты можешь проглотить обиду во имя благополучия других, то ты просто ангел. Я бы не смогла.

Я видела, что Анька говорит серьезно, и была ей благодарна. Мы наконец-то наладили мосты.

– Прости, что я так вела себя... Ну... На работе. Знаешь, я не терплю конкуренции. А ты нравишься мужчинам тоже.

Правду говорить очень приятно. Поверьте, у меня просто с души свалился камень. Захотелось разрыдаться от этого облегчения и броситься коллеге на шею. И ходить теперь с транспарантом с надписью: «Аня – супер!»

– О, спасибо за откровенность, – раскраснелась та. – Знаешь, я тоже не сильно хорошо себя вела с тобой. Но сейчас я думаю, то, что мы попали обе на это шоу, не зная до этого, что обе собираемся проходить кастинг... – Я, конечно, промолчала, какими путями я сюда попала. Уж точно не по кастингу. – И там даже ни разу не встретились... – Ну, это как раз понятно! – Короче, я расцениваю это как знак судьбы. Мы должны сблизиться и помогать друг другу выстоять. Как считаешь? Все же у нас много общего. Мы одного возраста,

работаем вместе, то есть в этом племени мы единственные, кто знает друг друга, к тому же, мы обе нравимся мужчинам. – Она хихикнула.

– Да, я целиком с тобой согласна, – заулыбалась я, а сама подумала: «Я-Гриша явно неспроста заговорил тогда об Аньке и наших с ней отношениях. Таких совпадений не бывает, он знал, что она будет участвовать». – А с Любой ты не водись больше, – заговорила во мне собственническая сущность. – Она плохая. Со мной водись!

Она рассмеялась.

– Ладно! Если ты заметила, я уже с ней не особо. Она вроде неплохая, но иногда... Ну... Как-то странно себя ведет.

– То есть? – тут же насторожилась я. Несмотря на происки крокодилов и дурацких ведущих, беспрестанно вставляющих палки в колеса, я все же не теряла надежды отыскать того, за кем охочусь здесь.

– Ну, знаешь, орет на всех, срывается без повода. Она мне по секрету призналась... Даже неудобно говорить об этом, вроде она мне доверилась...

– Я никому не скажу.

– Да, ты не из болтливых. Я еще на работе это заметила. Короче, она лежала в больнице, голову лечила. Вроде ее муж бросил, или что-то вроде того.

– Аня, по одному факту нахождения в специфической, так скажем, больнице нельзя судить о человеке всецело. – Уж я-то это знала! Моя лучшая подруга прошла через такое, что

и врагу не пожелаешь. И тоже оказалась в схожем месте. Но она смогла вырваться из ада собственных мыслей и чувств. Почему я должна считать, что Поликарповна не смогла? По крайней мере, это хорошо, что я теперь владею данной информацией. А то в испортившемся досье – спасибо Марику! – с большим трудом можно что-то прочитать. Разумеется, я не стала говорить Ане о Юльке, а просто добавила: – В жизни бывают такие повороты судьбы, в которые мы могли бы не поверить, если бы знали заранее. И неизвестно, к чему они нас приведут, тут уж пан или пропал. Но даже когда «пропал», нельзя оставлять надежду, редки случаи, когда нет совершенно никакого выхода. Если повернуть медаль другой стороной, выходит следующее: женщина так любила своего мужа, что когда он ее бросил, очутилась в больнице, сломала себе всю нервную систему, однако нашла в себе силы жить дальше и даже прошла кастинг на шоу на необитаемом острове. Она готова к общению, борьбе и приключениям. Ею стоит восхищаться, а не бояться.

Анька выпучила зенки:

– Ты так все повернула... И впрямь, хорошо теперь получается. Она твой враг, но ты находишь в ней положительное. Ты удивительный человек! – Я покраснела и отмахнулась, мол, не стоит. – Прости, что я купила себе такой же сарафан! – вспомнила она уж совсем не к месту. Я ищу террориста, а она мне про сарафаны. – Ты меня неправильно поняла, я это не для того, чтобы тебя позлить! Просто ты для меня

законодательница моды, ты в нашей фирме лучше всех одеваешься, так сексуально и красиво. Если хочешь, я не буду его надевать на работу!

– Да что ты за глупости говоришь! Конечно, надевай. Одинаковые платья – это не самая страшная вещь на свете, поверь мне. Это вообще ерунда, не стоящая внимания. А если кто скажет, что мы попугаи, мы им дадим пинок под зад!

Неужели я впрямь могла целый месяц злиться на то, что у сотрудницы такой же прикид? Ну я и дура была. Теперь-то я вижу, как это глупо. А еще я вижу одну интересную деталь: насколько часто так бывает, что мы делаем неверные выводы о поведении других людей. Нам кажется, что они творят что-то нам назло, а выходит так, будто ничего плохого эти люди и не имели в виду. Допустим, безобидное желание копировать своего кумира. Это должно было заставить меня улыбнуться, прям как сейчас, а не пускать в ответ злобные колкости в ее адрес, раздувая войну.

Понять всегда лучше поздно, чем никогда:

– Прости еще раз.

– И ты меня.

В лагерь мы вернулись лучшими подругами, едва ли на радостях не целуясь. Впрочем, нам бы это не позволили: атмосфера царила гнетущая и любое проявление счастья расценивалось бы как диверсия, достойная смертной казни.

– Нас бросили! Нас все бросили! – орала Любочка, прижимая ладошки к сердцу.

– Успокойтесь, гражданка, – пытался остудить пыл соплеменницы всегда уравновешенный (даже когда сбрасывает людей с утесов и пальм) Олег Владимирович, но та его будто не слышала.

– Они решили снять новое шоу, – поделился соображениями, по обычаю «дельными», Скелет, – «Умереть на острове». Каждые пять дней кто-то один будет не просто убывать – так ведь неинтересно зрителям, – кто-то будет *умирать!*

– Заткнись, ради всего святого! – Поликарповна услышала Макаронинку и среагировала должным образом.

– Они обязательно приедут! – спорил Витя. – Не сегодня, так завтра! Это же подсудное дело – отдать нас на съедение крокодилам.

– Хватит, Витя! Хватит про крокодилов!

Только Вова с Сан Санычем молчали. Первый – потому что нечего было сказать, последний – оттого что ремонтировал попорченную в прошлую охоту на рыб удочку. Похоже, он всерьез решил стать главным кормильцем на острове. Точнее будет сказать – единственным, ведь, ожидая вертолет с обещанной провизией, никто не удосужился сходить в джунгли за фруктами.

«Вот и схожу», – подумалось мне, и я встала на ноги.

– Катя, ты куда? – спросила Анька.

– Дойду до банановой пальмы. Вдруг созрели новые плоды.

– Так быстро они не могли созреть!

– Ну, значит, поищу другую, не одна ж она тут. Или соберу кокосов.

– Вам понадобится помощь, – с готовностью поднялся Генерал. – К тому же, сейчас в джунглях небезопасно ходить одной.

Я посмотрела ему прямо в глаза и хитро прищурилась:

– Поверьте, одной мне намного безопаснее лазить по пальмам, чем с вами. Всего хорошего.

Удалившись от лагеря в глубь острова, я стала строить следующий план действий: найти место гибели Анны, отсчитать сто шагов во все стороны. Цель: поиск реки. Любой результат фиксирую в памяти и, как только прилетает спасательная группа, передаю Муравьеву на словах или в записанном виде.

Надеюсь, он не забыл мой прошлый рассказ и передал все в точности руководству.

Мысли меня покинули сразу, как только я почувствовала слезку. Сперва я просто ощутила это кожей, потому притаилась, сев в кусты, затем я уже отчетливо слышала торопливые шаги. Впрочем, слезкой это можно было назвать с гигантским натягом: шли за мной вовсе не таясь, сшибая ветви с листьями и приминая траву, и лучше будет сказать не «шли», а «бежали».

Когда я увидела прошедшего мимо меня Сан Саныча, вставшего в нерешительности в двух метрах впереди от кустов, где я пряталась, и завертевшего головой в поисках пре-

красной соплеменницы, я выдала себя, поднявшись, и стала отряхиваться: дурацкие колючие ветки (вот угораздило из всего изобилия растительности выбрать именно этакую штуkenцию) прицепились к шортам, майке и волосам и просто смертельно не желали расставаться с ними.

– Катя! – вздрогнул дед. – Ты меня напугала столь... хм... экстравагантным появлением. Что ты делала в кустах?

«Спасалась от Шутника, решившего взорвать остров!»

– Думала, за мной гонится рептилия.

– Серьезно? – Дед сперва хмыкнул, решив, что это шутка, затем посерьезнел, вытаращил глаза и задал вопрос: – Зачем тогда одна пошла, если так боишься?

– А вы совсем не боитесь? – ответила я вопросом на вопрос.

– А чего мне бояться? Я уже старый. Чему быть – того не миновать, а смерть все равно не за горами.

– Понятно. Знаете, не очень оптимистичные мысли вас посещают, – улыбнулась я. – Это не похоже на того друга, которого я знала.

Он тоже хихикнул.

– Катя, это все еще я! Нет, правда, просто я иногда застаю себя за мыслями, что я смертельно устал. И хочу к жене. – Заметив изменившееся выражение моего лица, поспешно добавил: – Это только в минуты слабости! Сейчас я досчитаю до двадцати, депрессия – или как там молодежь называет это состояние – пройдет, и я снова стану таким, ка-

ким ты привыкла меня видеть!

Я повторно улыбнулась:

– Я очень рада.

Мы шли вперед. Через пару минут он сказал:

– Катя, давай начистоту. Аньке ты можешь говорить все, что угодно, про бананы и яблоки с грушами, но я-то на такое не поведусь. Повторюсь, я уже не настолько молод, чтобы не отличать правду от лжи.

– Да? – Я не знала, что еще ответить.

– Да. Ты идешь вовсе не за фруктами. Ты идешь к месту, где нашли Анну Темникову. Я даже знаю зачем.

Вот это меня уже напугало. Я повернула к спутнику лицо, продолжая идти.

– И зачем же, по-вашему?

– Кутузов. Ты ему не доверяешь. Ты решила сама осмотреться и сделать собственные выводы. Как видишь, я работаю рентгеном для Львов. Вы любите перепроверять за всеми и в себя верите больше, чем в других.

– Это правда, но не до конца. Вы умеете хранить секреты?

Спутника этот вопрос несколько обидел.

– Катя, я танцевал ламбаду перед неработающей камерой в лопухах вокруг бедер и расстегнутой рубашке. Да еще и был застигнут в данном непотребном виде своими соплеменниками, если ты все это помнишь, конечно. – Хохотом я заверила старичка, что помню. – Так вот, да, я умею хранить тайны.

– Мне нужно отыскать реку.

– Реку? Здесь есть река?

– Либо есть, либо нет, – пожалала я плечами. – Ответов всего два, это не так страшно.

– Я ничего не понимаю. Если ты идешь искать что-то, значит, считаешь, что это есть, иначе выйдет, будто мы ищем черную кошку в темной комнате, занывавшую иголку в стог сена, которую мы тоже, кстати, ищем!

– Крокодил же – или кто он там – пришел откуда-то. Вот я и хочу посмотреть на место его обитания.

– Чтобы он цапнул тебя за ногу?

– Но это только в случае, если он там есть. – Мы обменялись многозначительными взглядами и как раз подошли к месту, где я обнаружила обезглавленное тело Анны.

– И куда мы двинемся?

– Я много читала о крокодилах, – начала я самозабвенно врать, – еще когда была ребенком. Я всегда обожала пресмыкающихся и земноводных. – Ну это больше про Юльку, нежели про меня. Но как-то же надо аргументировать свой интерес. – Так вот, я знаю, что они не отходят более чем на сто шагов от реки, где обитают. Сама эта река должна быть болотистой и медленно текущей. Такие любят и крокодилы, и аллигаторы. – Выдав полученную от Бориса информацию за свою собственную, продолжила: – Нужно пройти сто шагов в разных направлениях. Ясное дело, что на юге реки быть не может, там море и пляж. И мы там все уже успели исхо-

дить за эти дни. Я верно рассуждаю? – Старик кивнул. – Значит, начнем оттуда, – показала я рукой на север.

– Согласен. Двинулись.

Минув расположенное слева от нас конопляное поле, мы вошли в зону повышенной непроходимости. Ветви и лианы висели сплошняком и были так крепки, что я жутко жалела сейчас о неимении мачете. Конечно, можно было, отправляясь в путь, попросить у Олега Владимировича нож (что было бы оправдано легендой, по которой я отправилась срезать с пальмы бананы), но после той занимательной беседы просить его о чем-то не хотелось вообще. Причем занимательной она являлась только для нас с Кожуховым и Анькой, остальным же диалог казался бессмысленным. Когда-нибудь я расскажу им все, но не сейчас.

А зачем? Неужели я стала считать людей в лагере своими? Своими товарищами, компаньонами, своей группой... называть можно как угодно. Но почему-то после двух совместных бессонных ночей они мне стали чуть роднее. Во всяком случае, я не относилась к ним так же безразлично, как в первый день шоу.

«Катюха, а ты меняешься!» – сказала я себе и не знала, радоваться такому повороту или нет.

– А как мы понимаем, что не сбились с пути? – решив отвлечься от мыслей о социуме и моем месте в нем, спросила я товарища.

– Видишь, солнце справа. Там восток. Значит, идем куда

надо.

– Отлично.

– Шестьдесят три, шестьдесят четыре... – бубнил себе под нос старик.

Это хорошо, что из нас двоих хотя бы один человек не забывает считать шаги. Мне стыдно, но я сбилась еще на двадцатом.

На сотом шаге мы встали как вкопанные и принялись озираться по сторонам. М-да, болотом не пахло. Измученные, порезанные и поцарапанные неприветливыми когтями джунглей, уставшие, потные и грязные, мы находились там же, где и десятки метров назад – в непроходимых зарослях.

– Идемте отсюда, – изрекла я грустно. – Здесь нечего больше ловить.

Неожиданно он со мной не согласился:

– А вот не скажи!

– А что такое?

– Послушай, – приложил он палец к губам.

Я перестала дышать и наострила уши.

– Что-то шумит? Похоже на плеск воды.

– Именно. Это оттуда, – показал он на запад. – Идем.

Мы шли еще столько же или чуть меньше, пока заросли не поредели, а под ногами не начало хлопать.

– Болото?

– Не знаю, – голос старика был растерянным. Казалось, он не понимает происходящего.

Мы прошли еще немного, заросли совсем отступили, и вскоре тропа, ставшая размытой жидкой грязью, вывела нас... к реке!

– Не может быть! – воскликнул Сан Саныч. – Вот здесь он и живет.

– Ну не знаю. Не маловато ли для него пространства?

Мое замечание было обоснованным. Река, почти сплошь поросшая илом, была весьма неширока. Дальше, к северо-востоку она еще сужалась. Но если крокодил выполз раньше, и прополз до места происшествия сто человеческих шагов к юго-востоку... Это могло произойти.

– Меня больше интересует другое – что здесь плескалось?

– Не знаю, – пожалала я плечами. – Лягушки? Ужи? Вряд ли что-то очень крупное.

– Пройдемся вдоль берега? – предложил старик. – Дальше к западу? Или боишься?

– Я ничего не боюсь, – заверила я и первая пустилась в путь.

– Ты все-таки смотри. Я пожилой, мне все равно, если мою голову отгрызет какой-нибудь мутант. А ты молодая и красивая. Да и как ты будешь смотреться без башки? Без башки тебе не пойдет. И замуж не возьмет никто такую.

Я захихикала:

– Да ладно, какой мужчина откажется от молчаливой жены! Рта-то у меня не будет.

Так мы шли на запад по берегу илистой речушки, време-

нами погружаясь по пятку в грязную жижицу и уповая на то, что здесь нет трясины.

Через пять минут оказалось, что сужение реки к востоку было лишь иллюзией. На самом деле, такой река и была, просто в одном месте, которое мы видели вначале издалека, она была чуть шире, но дальше возвращалась к своим исходным полутора-двум метрам в ширину.

– Ну что, возвращаемся? – почесывая укусы еще более назойливых и кровожадных в этой части джунглей, чем в пляжном районе, москитов, предложила я, уставшая от ходьбы и бессмысленных поисков.

– Да, – согласился спутник, и я уже совершила шаг в обратном направлении, как вдруг что-то привлекло мое внимание.

– А что это там, под камнем? Видите, белеет?

– Да. Там определенно что-то есть. Уж не будущее ли потомство злобного крокодила?

Я пожала плечами. Хотя формой яйцо это никак не напоминало. Скорее это было что-то плоское, завернутое во что-то белое и спрятанное от посторонних глаз в реке, на всякий случай придавленное небольшим булыжником.

Мы подошли и сдвинули камень. Да, я была права. В кусок белой с темными разводами в некоторых местах простыни завернули какой-то большой и тяжелый плоский предмет.

– Разверните его, – попросила я, угнетаемая непонятно откуда взявшимся нехорошим предчувствием.

Сан Саныч вынес сверток подальше от реки на берег, положил на влажную землю и начал разворачивать.

– О боже! – я стиснула рот руками.

– Что за... – помощник отпрянул от предмета и поднялся. – Что за... Да что же это такое здесь творится?!

Глава 22

– Мы должны привести сюда остальных, – немного успокоившись, говорил мне Саныч. – Или отнести это к ним.

Я молчала.

Не согласившись с выводом, но и не желая открывать свою истинную мотивацию, я не могла сочинить что-либо, что могло его убедить меня послушаться.

– Что скажешь? – наконец обратился он ко мне.

– Это не лучшая идея, – покачала я головой.

– Не лучшая идея показать им это? – кивнул он на развернутую тряпку. – Но почему? Что мы вдвоем станем с этим делать? Неужели положим обратно, будто и не заметили?

– Нет, Сан Саныч. Мы это перепрячем.

Он посмотрел на меня удивленно. Я же перевела взгляд на топор. Конечно, его успели вымыть, но разводы на простыне говорили сами за себя. Этим орудием не так давно что-то отрубили. И это что-то пачкалось самой настоящей кровью.

– Подумайте сами, – наконец-то пришли ко мне слова, – мы оба не можем отрицать, что знаем, для чего он использовался. И крокодил тут ни при чем. Не берусь утверждать, что он вообще существует, несмотря на следы. Анне отрубили голову. Этим вот топором. Затем его помыли и спрятали здесь. Ну как вы думаете, убийце понравится то, что мы сейчас расскажем, как нашли вещь, с помощью которой он убил

человека? Что он с нами сделает? А оставить все как есть нельзя тоже. Вдруг он замыслил еще одно преступление?

Старик от удивления расширил глаза:

– Ты решила, что некто, убивший Анну, из наших? – Почесал тыковку, раскинув мозгами. – Но подумай, как кто-то мог пронести такую вещь на вертолет? Нас же обыскивали. Почему ты не думаешь, что это кто-то из местных жителей?

Такое пока не приходило мне в голову.

– Но как они могли сюда проникнуть? – пожала я плечами. – Территория же огорожена.

– Можно предположить, что топор здесь давно лежит. И когда обследовали территорию под шоу, его просто не заметили. Чистая случайность.

Я покачала головой:

– Нет. Он бы начал ржать. Топор спрятали относительно недавно. А шоу должны были готовить как минимум полгода. Вы же слышали, они изменяли ландшафт, многое пересажено сюда из других мест. И вообще, они обязаны были обследовать местность на безопасность.

– Ну хорошо. – Саныч, сморщившись недовольно, резким движением прихлопнул насекомое, пристроившееся на его руке. – Достали, паразиты... – Обернулся на белую простыню. – Тогда вопрос остается открытым: как он попал сюда? Допустим, воспользоваться им мог каждый. Я имею в виду, из нашего племени. Хотя не хочу думать, что среди нас есть

убийца. Но пускай будет. Теоретически. Но этот человек не мог перевезти топор сюда из Москвы. Ты же помнишь, как тщательно нас проверяли.

– А вы должны помнишь перочинный ножик Кожухова.

– Ну сравнила, это же ножик! А то – топор.

– Хорошо, допустим, он был здесь. Но почему его не нашли? Где он был? Неужели закопан?

– Да, это возможно.

– Тогда как убийца узнал, где копать? – приподняла я бровь. – Интуиция? Человек-рентген, видящий сквозь толщу земли? Или он просто везунчик, перекопавший добрую часть острова, пока не нашел наконец то, что искал. Только что-то я не вижу здесь ям. – Я наигранно стала вертеться по сторонам. – Ямы! Ямы! Вы где? Отзовитесь, ау!

– Катя, прекращай цирк, это не смешно, – нахмурился старик. – Выходит, у него был сообщник... О господи, – выдавил он изнеможенно, – мы договорились до того, что случай с Анной был... предумышленным убийством? Но как так? За что девочку убивать?

Я пожала плечами:

– Значит, были причины, нам не ведомые.

– Но если убил кто-то их наших, она должна быть с ним знакома! Но этого ведь не наблюдалось.

– А откуда вы знаете? – Предполагалось, что мы с Анькой друг друга тоже не знаем. Но вслух я это не сказала.

Поспорив еще некоторое время, мы все же сошлись на мо-

ем предложении перепрятать топор. Ничего более здорового, чем закопать его недалеко от того же самого места, в наши две светлые головы не пришло.

Вернулись мы усталые, голодные, с руками по локоть в земле и с двумя кокосами под мышками.

– Никто не прилетал? – спросил Саныч буднично.

– Издеваешься? – фыркнула Любовь. – Похоже на то, что мы тут обожрались обещанными яствами?

– Ну тогда на тебе кокос, – с превеликим удовольствием Саныч уронил ей на колени большой плод, и та еле успела подставить руки.

М-да, если даже добряк дедуля сделал что-то весьма подходящее на попытку причинения физической боли, то, чувствую, еще день, и мы все поубиваем друг друга. Надо же, как меняется эмоциональный настрой людей в вынужденном сообществе. Когда еще теплится надежда на спасение на общем фоне потенциальной опасности, все сплачиваются, как крепкая, дружная семья. Но стоит инстинктам взять верх над верой – это будит агрессию.

До вечера этого дня мы все успели раз двадцать переругаться, оправдывая свежесочиненную мной теорию, пока наконец в шуме спора, склок и рождаемого ими крика мы не расслышали столь долгожданное гудение лопастей.

Ссоры как по свистку прекратились. Мы поднялись и молча уставились в чистую голубизну летнего неба с парящей в ней темной точкой.

Через четверть часа вертолет опустился и высыпал наружу людей: около восьми человек в странной спецодежде и парочку остальных, уже ставших привычными лиц. Операторы с ведущим, показав путь новеньким к месту происшествия, выгрузили с летательного аппарата несколько пластиковых ведер и контейнеров. Еще не зная их содержимого, наши желудки пронзили округу радостным бульканьем.

– Это не для эфира, – сказал мистер Фокс операторам, показывая на камеры, по привычке прихваченные теми с собой. Поняв намек, их тут же убрали подальше с глаз.

Накрыв богатый стол поверх лопухов и пальмовых листьев, Попугай, одетый сегодня не столь по-попугайски (обычная однотонная тенниска и бежевые брюки), стукнул себя по лбу:

– Да, совсем забыл! Да что же со мной творится, после этой смерти я совсем не свой, ха-ха!

Чавканье тут же прекратилось. Хотя мы только-только приступили к трапезе и, соответственно, продолжали быть голодными, но неожиданное напоминание об Анне, да еще и заявленное с очевидной долей оптимизма, вызвало неподдельный шок, переходящий в смутные и неприятные догадки о том, что же мог задумать прохвост Фокс.

– Прошу подвинуться, освободите место вокруг стола для еще одного члена племени!

С этими словами он с легкостью поднялся и бодрым галопом направился к открытому вертолету. Мы побежали сле-

дом.

– Кого он там еще притащил? – негодовала Люба.

– Как можно привозить нового участника почти в середине шоу? – вторил ей Вова.

Ну уж никак не в середине, это только седьмой день. Хотя в чем-то он прав, мне и впрямь казалось, что я здесь уже давно.

– Итак, прошу любить и жаловать!

Встав по-театральному слева от железных, выдвинутых из нутра «вертушки» ступенек с вытянутой ладонью вверх рукою, он тем самым дал разрешение на выход новому участнику шоу «Герой необитаемого острова».

Горя от смешанных, но бурных чувств, мы с нетерпением ожидали появления человека, пока на свет божий не явился... Маврикий!

– Это же... Это...

– Марик, – пискнула я вслед за всеми.

Гордый и неприступный, он стоял на платформе вертолета и окидывал нас неприязненным взглядом чванливого триумфатора.

– Да, да, вы с ним знакомы! – раздутый от своей способности удивлять, радовался шоумен.

– Но зачем вы его вернули? – крикнула обиженная Анька и, не замечая своих действий, начала ощупывать на себе купальник, точно проверяя его на наличие. – Мы же голосовали против него почти все! Он такое сделал... Такое... Мы

ненавидим его!

– Нет, ошибочка! – поднял палец ведущий. – Вы голосовали против Анны, забыла, деточка?

– Потому что вы нас заставили!

– Это никому не известно, – стал он злиться. – Итог голосования – восемь голосов против Анны. Анна выбыла. Участников должно остаться девять. А вы пересчитайте себя!

Мы посчитали. Восемь. Что ж, он прав. У зрителей появились бы вопросы.

– Давайте придумаем так, будто он сам попросился уйти! – высказал предложение Виктор. Очень дельное, на мой взгляд. – Допустим, по состоянию здоровья!

– Это исключено. Правила есть правила. А они гласят, что каждые пять дней выбывает участник. Один участник! Маврикий, прошу вас, спускайтесь, не томите. – Марик послушался, важной птицей опустившись на землю. – Да, кстати, – улыбнувшись еще шире, добавил ведущий, – учитывая ваше особое к нему отношение, я дарю Маврикию на следующее голосование иммунитет. А если уж и за девять дней он не сможет втереться к вам в доверие, тогда делайте, что считаете нужным. Для того он и был придуман – Страшный Чан. Что ж, приступим к ужину. А то я ничего не ел, ха-ха!

Проходя мимо меня, бывший друг, а ныне заклятый враг Марик, словно в доказательство нового статуса, одарил меня жутковатым испепеляющим взором суженых глаз и шепнул:

– Тебе не жить.

Учитывая глобальность скрываемой мною и рассекреченной им тайны, в искренность сего обещания я поверила сразу.

Москва, день 7-й

– Это вы сделали! Это всё вы! – кричала я Евгении Михайловне, но та просто пожимала плечами, якобы не понимая, о чем ей говорят.

– Юля, что с тобой? – кинулась ко мне Кира, когда мой бессильный гнев перешел в слезы. Она начала успокаивать и гладить меня по голове, делая этим только хуже.

– Она порезала мои звездочки! – рыдала я.

– Ой, ну что ты как в детском саду, – прогнусавила Настька. – Звездочки! Послушай только себя. Новые порежешь, это ничего страшного.

– Когда? – почти орала я, из-за чего голос стал писклявым и каким-то мышинным. – У меня не осталось времени даже на тренировки, а еще с костюмами возиться, а звезды... Они были уже готовы...

– Юлечка, не реви, – гладила меня теперь уже по руке Кира. – Мы что-нибудь придумаем. Евгения Михайловна, это правда вы сделали? Но зачем? Так нравится издеваться над людьми?

– Я?! – пробасило чудовище. То ли в силу увеличившейся ненависти, то ли ввиду иных причин, но бородавки на ее ли-

це мне показались в тот момент еще громаднее, чем обычно. – С чего она взяла, что я?! Она выдумывает!

– Как не стыдно! – уже тише бормотала я, стоя посередине комнаты вместе с Кирой и всхлипывая. – Вы одна оставались. Никто другой не мог.

– Ну и что, что одна? – вступилась за подругу Настя. – Это еще не показатель.

То, как они переглянулись, да и тон, с которым Кислякова это говорила, заставил мой мозг слегка поработать и выдать вот что:

– Это ты все придумала! Ты подговорила! – У Настьки на миг расширились ярко подведенные глаза, но она промолчала. – Ну же! Имей совесть признаться!

На секунду что-то мелькнуло в них, в этих злобных, ядовитых, заносчивых, болезненно в себя влюбленных глазах, и это что-то ясно дало мне понять в ту минуту, что в своих подозрениях я абсолютно, стопроцентно права. Это была именно ее идея, но она никогда не признается в этом.

– Юля, это слишком, – проговорила Кира, хотя ее никто не спрашивал. – Я понимаю, ты расстроена, но зачем приплетать сюда личное отношение? Ты же знаешь, Настя никак не могла порвать твои звездочки, потому что была с нами весь вечер.

Все здесь против меня! Все!

Кира перестала гладить мой свитер и уселась на кровать, вполборота на меня уставившись. Настя и Евгения Михай-

ловна нарочито громко стали что-то обсуждать, просто чтобы показать, что они меня игнорируют. А я так и стояла посреди комнаты «для девочек», чертовски сильно желая превратиться на пару минут в свою лучшую подругу, потому что та – я была уверена – налетела бы на них с кулаками, заставив обидчиц пожалеть, что они имели неосторожность с ней связаться, да еще и, как итог, сами бы предложили нарезать вместо нее новых фигурок из фольги. А я была тем, кем являлась. Социальные нормы стояли выше во мне, чем гордость и себялюбие, и я не могла вот так мощно, по-настоящему, по-мужски отстаивать свои интересы.

– Ну ладно! – высказала я угрожающе и вышла, хлопнув дверью, твердо зная, что это блеф и ничего я не стану предпринимать.

Однако, спрятавшись в ванной и вспомнив о досье, которое здесь часто читала, я уловила одну мысль за хвост. Взяла лист бумаги с ручкой, вернулась в ванную, закрылась на щеколду и принялась строчить.

«Дорогой Г.Н.! Простите мне мою оплошность. Шутник не С.С. Шутники – Кислякова и Евгения Ивановна. Вместе! У меня есть неопровержимые улики. Немедленно арестуйте их, да пожестче так, с наручниками и заламыванием рук и спровадьте-ка их в кутузку!»

Перечитав, посмеялась и порвала. Конечно, я не могла в угоду собственному чувству провалить всю операцию. Но одна маленькая мысль о том, что все-таки могу это сделать,

немножко утешила. Кто они? Завзятая тусовщица и бывшая эчка. А я – агент! Работаю на тайные службы! Под прикрытием! Да они локти кусать себе будут от зависти, когда узнают, кто я такая!

...Нет, все-таки не помогает. То есть помогло на время (и весьма непродолжительное), но уже вновь одолевают слезы и нестерпимо хочется повеситься.

– Завтра, – разрешила я себе отложить казнь на следующий день и завалилась спать.

Москва, день 8-й

Проснувшись на двадцать минут раньше будильника и не сказать чтобы в уныло-суицидальном настроении, я решила, что это судьба некоторым поплатиться за все и поднялась. Улыбаясь, острожной поступью вышла из комнаты и припала к коридорной стене напротив входа в ванную. У меня было в запасе пять минут, но вместо того чтобы изучать список, вывешенный на нужной мне двери, я заняла это время размышлениями. СС, он же Святослав Сергеевич, упомянул в разговоре про оставшиеся три дня. Безусловно, это были три дня до следующего выступления (а теперь уже осталось два). По всей видимости, он затеял совершить взрыв в прямом эфире или еще какую-нибудь пакость. Почему я говорю так спокойно? Ну, во-первых, он ясно и неосознанно для себя дал мне понять, что у него что-то не ладится с этой задумкой. Во-вторых, кого надо, я предупредила, не дадут же мне

умереть, в самом деле? А вот что именно случилось, ввиду чего все расстроилось? Неужели это связано с убийством на острове? В предыдущий раз, когда мне удалось его подслушать, он заявил: «Есть баба, и она на острове». Либо он разгадал весь наш глобальный замысел и имел в виду Катюку, либо это был его человек, который на него работал или еще для чего-то был нужен. И тут он умирает... Стоп! А если... А если этот человек, наоборот, мешал ему? Тогда выходит, что убийство на острове... Дело рук СС?!

Щелкнул замок, я моментально воспрянула духом, так как Настька не успела еще выйти в коридор, но здесь я увидела Его и тут же пожалела о своем дурацком плане мести.

Нет, это был не СС. Это был Леша.

В полотенце вокруг бедер...

Вот почему Настя так долго торчит в ванной. Оказывается, она ходила туда после него и наслаждалась его духом. Его запахом. Несмывшимися остатками Его зубной пасты в раковине. Или просто искала в стоке его волосы, чтобы потом вершить вудуистские привороты, от нее и такого ожидать можно. Фактически я сейчас его спасаю! Но почему так заныл живот... А сердце словно остановилось. Ах, эти не преувеличенные, но явные для глаз кубики на прессе... Широкие плечи... Вот бы он еще и ростом был повыше и не курил анашу, я бы тогда сразу грохнулась в обморок от счастья.

– Ты что здесь делаешь? – удивился Алексей, вытирая полотенцем волосы. Таким же маленьким и белым, что едва

удерживалось на его бедрах. – А Настя где?

Ну и дура же я... Короче, во мне разыгралась ревность (ведь от ее намеков на ухаживания он отказывался радикально, а мне глазки строил, а теперь спрашивает, почему не Настька!), и я завопила:

– Ах, теперь ты уже хочешь, чтобы была Настя, а не я?! Чтобы Настя, да? Хочешь?!

Мне кажется, он очень хотел рассмеяться в тот момент, по крайней мере судорога пробежала по ярким розовым губам, и в глазах заплясали огоньки. Собравшись одним моментом, глядя в мои сверкающие гневом серые глаза, возразил:

– Нет. Выбирая между тобой и Настей, тебя я хочу больше. Но, – иронично пожал плечами, – мне остается об этом только мечтать!

И вальяжно помахивая полотенцем (тем что голову вытирал, а не другим – упаси Боже!), отправился на кухню.

Шаги возле нашей дамской двери отрезвили, и я козликом заскочила в ванную, закрыв дверь на щеколду и даже пару раз дернув ту впоследствии, перепроверя надежность замка.

Все, теперь можно отрываться!

– Юля? – донеслось из коридора. – Юля, я видела, как ты входила! Ты что, перепутала или читать не умеешь? Сейчас мое время!

Открыв пошире кран, чтобы голос Кисляковой слился с потоками воды, я принялась издеваться. Пять минут смотре-

ла в зеркало, думая о том, какая же я красивая. Еще пять минут слушала воду, думая о том, какая же она звонкая. Потом столько же умывала лицо, думая о том, какое же оно красивое. Повторяюсь? Ну и что, повторение – мать учения. Потом пять минут искала свою зубную щетку, думая о том... О чем? Нет, не красивая. Самая обычная щетка. А, вот о чем! Думая о том, какого же она цвета. И куда же она, сволочь, задевалась... (Ой, простите... Порядочным девушкам не пристало ругаться.) Потом нашла ее и еще пять минут радовалась сему событию. Дальше по программе – зубы! О, зубы требуют тщательного ухода!

Когда еле различимый голос за дверью заговорил тремя разными тембрами, два из которых были низкими, а первый, напротив, дошел до писка, а сама дверь принялась сотрясаться от богатырского стука шести рук, я поняла, что пора бы мне уже и позавтракать.

Открыла дверь одним рывком и вышла на суд обозленной толпы.

Настя, Роб и Святослав Сергеевич взирали на меня, как собаки на черную кошку, перебежавшую всем троим дорогу.

– Юлька, ты совсем спятила! – визжала Кислякова. – Висит же расписание! После Лешки иду я! Ты забыла, да?! О нет, – когда я вывернулась от обступивших меня хищных туловищ и потопала на кухню, – ты помнила все, да? Ты это специально сделала! Ну, я от тебя не ожидала!.. Эй, ты куда?!

Неожиданный вопрос заставил меня обернуться на пол-

пути. Как это куда? На кухню, разумеется. Но обращалась она в этот раз не ко мне.

Проворный Роберт просочился между ней и пиратом и захлопнул перед их лицами дверь в ванную.

– Эй! – свою ярость финтифлюшка тут же переключила на нового врага. Забарабанила со всей силы. – Выходи! Я перед тобой!

– А по мне пофиг! – донеслась так знакомая мне фраза. – Я в свое время иду и даже уже немного опаздываю!

– Вообще-то, уже мое время давно, – заявил грозно Святослав и, сверяясь с часами, добавил, – ...закончилось. А твое еще раньше!

– Мне пофиг, – повторился Роб и включил воду.

Я расхохоталась, наблюдая данную картину. Пускай меня сейчас порвут на части, но это стоило того. Роб поступил с ними так же, как и со мной тогда. Что ни говори, а есть в мире справедливость.

Глава 23

– Вот если б ты вышел за мѐня тогда, ничего б этого не был! – пускал пар из ушей Рашик, точно архаический самовар. – Они б знал, белый свиньи, что мой женцин не сметь обижать, не то хана! – достал кинжал и покрасовался с ним, приставляя с разных сторон к лицу и меняя соответственно его выражение – не кинжала, а лица.

– Какие мы грозные! – похвалила я артистические таланты тренера и зааплодировала. Мимикой Рахат мог продемонстрировать абсолютно любые настроения.

– Я рад, что насмешил тэбэ, мой пѐрсик!

Мы сидели на кухне в его номере. Когда Лукумидзе приехал за мной на своей вишневой «шестерке», я плюхнулась на сиденье и тут же разрыдалась. Молча он привез меня к себе в отель, где им предоставили номера, напоил чаем и дал высказаться. Я поведала обо всем: о порезанных звездочках, о выходках Насти, о моей мести. Над последним Рашик смеялся, что дало мне поверить: со мной не все потеряно. Если есть время собраться, то я умею постоять за себя. Это обнадеживает, когда вынужден обитать в террариуме с ядовитыми змеями.

– А этой жирной бородавчатой свинье надо затолкать бананы во все места! Щтоб знал, как обижать мой красавиц!

– Не надо во все. В одно будет достаточно, – совершенно

не краснея, поведала я о своей мечте. – Я согласна даже сама провести такую операцию, но с условием, что она сперва вымоет это самое место.

– Однако, блондынка! Ты мэнэ поражаешь! Я был о твоей целомудренности лучшего мнения!

Вот тут я покраснела, а Рахат снова захохотал.

– Ну разошелся! Давай лучше предложи что-нибудь, как исправить сложившуюся обстановку. С лошадьми я не на «ты», костюм еще не готов, фольгу всю порезали, а другой нет. А если бы и была, то времени уже все равно на все про все не хватит. Выступление послезавтра.

– Вай, кто сказал, што нэт фольгы? Все есть у меня.

Рашик почесал густую щетину на подбородке, грозящую в ближайшие дни стать бородой, поднялся и заходил по номеру, временами что-то поднимая, вытряхивая и обследуя. Наконец нашел, взял ножницы и вернулся на кухню.

– Хороший у тебя номер, – позавидовала я. – Кухня, санузел, большая комната, коридор... И все для одного.

– И телевизор есть! – обрадованно закивал он.

Мы уселись за работу. В две пары рук звездочки, сердечки и маленькие лошадки выходили из-под скрещенных лезвий быстрее.

Когда мы закончили, я уныло изрекла:

– Ну и какой прок? Костюмов-то нет пока! И вдруг не будет до воскресенья!

– Да какой ты глупый, блондынка! – вскочил тренер. – Ну

пачему нэт? Все ест уже!

– Как это «ест»?! – возмутилась я своей неосведомленности. – Значит, костюм уже что-то «ест», а я даже не догадывалась о том, что он есть!

– Я просто не хотел говорит тэбе, патаму щта боялся, ты велишь мне примэрить его!

– Конечно, велю! А как же по-другому? – удивленно захлопала я ресницами.

– Ну значит, я не сказал тэбе ничто!

– Ты уже сказал! Поздно! Теперь я все знаю!

– Ах, да! – стукнул он себя по лбу. – Блондынка вновь мэня провел!

Через минуту моему взору было представлено лучшее, что случилось со мной за сегодня! Я даже забыла о миге торжества в момент кисляковского поражения. Это были те самые костюмы, которые я себе воображала!

– Прелесь! Прелесь! – запрыгала я на одном месте, хлопая в ладоши. – Надевай! Надевай!

– Не надену! Не надену! – пропищал Лукумидзе, подозреваю, в подлой попытке меня передразнить.

– Нет, ты наденешь! – настояла я, и он повиновался.

... Отойдя от хохота, я сказала:

– Наш номер будет лучшим!

– А ты сомневался? – подмигнули мне глазом, видимым через отверстие в костюме.

Москва, день 9-й

Сегодня Настя вышла ровно в 10:12, словно часы с будильником были на руке! Нет, как все-таки полезно иной раз проучить человека!

Я поздоровалась и, не получив ответа, нырнула в ванную. Надо же, когда со мной так поступили, это считалось нормальным, а вот как я – так всё! Настя, Роб и СС объявили меня изгоем и со мной больше не разговаривали. Хотя потеря эта так себе, я вам признаюсь! С Евгенией Ивановной я не общалась сама, с Кирой было подобие товарищества, то есть оно и осталось, как было вначале, просто сейчас мы обе «старались дружить», нежели «дружили», но в душе сильно это делать не хотели. Что-то рухнуло в тот час... Короче, для искреннего и полноценного общения у меня не оставалось никого, кроме Лехи, но я старалась его всячески избегать, пугаясь собственных мыслей в его присутствии. В моей жизни был мужчина, но отношения принесли такую боль, что даже вспоминать об этом не хотелось, не то что повторять.

Да и с кем? С наркоманом! Удумала тоже. Почему меня вечно тянет на каких-то... странных. На «не таких» каких-то.

В общем, так, как я тосковала в этот период по Катьке, я, наверно, еще не тосковала никогда прежде.

Итак, Рашик встретил меня у подъезда и отвез к Руслану.
– Хочешь новость? – начал сразу, как только мы вышли из «шестерки»,

– Хороший или плохой новость? – хихикнула я.

– Блондинка, ты ваще русский язык знаешь-нэт? Новост – женский род, так? Значить, надо «хорошая».

– Ты сам так говоришь всегда! – обиделась я, перфекционистка с синдромом отличницы. Таких людей, как я, нельзя критиковать! Нам это противопоказано по здоровью.

– Я так кокетничаю! Мне можно, я с Кавказа, э! А так я русский знать на шесть с плюсом, понял-нэт?

– Понял... а. Поняла.

– Вот! Так лучше!

Он посадил меня на коня, затем соизволил сообщить:

– Итак, новость. Один из лошадей, что должны участвовать в шоу, заболел! – и изобразил самую натуральную улыбищу во все золотые зубы и с отвисанием подбородка до брюха.

– И я должна этому радоваться? – помолчав, ответила я. Как ни крути, как ни думай, выходило, что новость не очень-то и «хороший». Кого-то не допустят до соревнований. И как гласит неписанный закон, этим кем-то окажусь я!

– Вот глупый женщин, а!

– Прекрати меня ругать! – не выдержала я. Руслан фыркнул от моего грубого тона и попытался взбрыкнуть.

Рашик быстро утихомирил животное.

– Ты што пугаешь кон! Кон не любить, когда громко говорят! И вообще, я не ругаю тебя, я просто с тобой шучу, понял-нэт?

– Ладно, прощаю, так и быть. Так что там с лошадей? Че-

му ты так радуешься?

– Патаму што я... как это по-вашему? Предприимчивый, во! Пачти как бизнесмен, ва! Я подскочил к спонсор и говорить ему: «Слющай, нэт проблем, у мэня ест отличный кон! Тока с условием, што он достанется нам с моей подопечной!»

До меня это доходило в течение некоторого времени, потом я ка-ак завоплю от экстаза:

– Значит, я могу говорить «иди» вместо «тцу-тцу»!!!

– И показывать ему рукой, да! – закивал тренер. – Руслан же гений!

– Ути, мой хоро-оший! – принялась я чмокать густую лохматую гриву.

– Эй, блонд, я жука там вчера поймал! – Я разом отпрянула и заплевалась во все стороны. – Да шучу я, шучу!

Москва, день 10-й

Вчера мы предстали перед Русланом в новых костюмах, и на удивление конь остался жив. Даже не грохнулся в обморок, вот ведь храброе существо! Но, конечно, побегал от нас здоровски, мы его ловили по всему лесу и на то, чтобы убедить, что это все-таки мы, его друзья, ушло достаточно времени. Но лошадка оказалась умненькой, и больше таких сложностей не возникало. Заранее фигурки из фольги мы приклеивать не стали, а то еще помнутся.

Сегодня я проснулась чуть раньше прихода очумелой бригады шоуменов. Это дало мне драгоценные минуты на то,

чтобы умыться, позавтракать, да и вообще настроиться на полный беспредел, вскоре начавшийся. Уже знакомая мне девчонка пыталась всучить самой скромной участнице серебристые шорты с вырезами сзади, мотивируя это тем, что в этом одеянии скакать верхом гораздо удобнее, чем в том, что я ей в двух словах обрисовала. В итоге я ее смогла убедить в серьезности своих намерений терпеть всякие неудобства во имя *замысла*, и тогда она развела руками и растерянно-уныло произнесла:

– Но а как же наши спонсоры? Ты обязана что-то рекламировать.

– Ну хорошо, – пошла я навстречу хрупкой девушке. – Я могу надеть шапку.

– Шапку?! – удивилась та.

– Ну да. Или что-то на голову. То есть не совсем на голову... Ну, короче, ты поняла меня!

Девчонка всерьез задумалась, затем что-то вспомнила, подскочила к общему тюку со шмотками и выудила оттуда, некоторое время покопавшись, красную бейсболку и того же цвета шарф.

– Вот! Этот современный модельер придумал новую модную тенденцию – носить шарфы с бейсболками в осенне-весенний период.

– Какая глупость, – фыркнула я. – А другого цвета нет? Слишком броско.

– Нет! Это цвет сезона!

– Ну ладно, – смирилась я, так как сама вызвалась помочь. В любом случае это лучше, чем блестящие шорты.

Я сложила приобретенные вещи в пакет, стилист было метнулась к освободившемуся трюмо, чтобы наложить на меня макияж, но быстро вспомнила, что сие не понадобится (как же я классно все придумала с этим костюмом!) и удалилась из апартаментов.

Зал в этот раз ломился от нашествия зрителей. Оказалось, рейтинг шоу набирал обороты все это время! Люди теснились на сиденьях по несколько человек на одном, а кто полегче – у тех нескольких на коленях, а у входа творилось что-то вообще из ряда вон, чего не бывало ни на одной первомайской демонстрации.

В зале для репетиций, где мы все переодевались к началу шоу, меня нашел Муравьев. То есть это я его «нашла» посреди комнаты недоуменно мотающим в разные стороны головой в поисках строго засекреченного агента. Агент в этот раз настолько засекретился, что и мать родная не признала бы.

Когда он вышел в полной уверенности, что меня в помещении нет, я выбежала следом и пихнула его в спину.

– Сережа!

Он обернулся.

– Аа-а-а-а!!! – замахал ручищами. – Сгинь!

– Да нет, это я! Я! Юля!

Отдышался, присел. Встал. Посмотрел на меня уже без ис-

пуга, но с любопытством.

– Что ты с собой сделала? Зачем это? Я решил, что это неодушевленный предмет стоит посреди комнаты, типа украшения.

– Ну спасибо! Моя идея была!

– Но ты же на лошади выступаешь, я правильно понял?

– Совершенно верно, – закивала я подобием головы, одетой в красную бейсболку и подвязанную шарфом. – Так ты что-то хотел?

– Да. Тебе письмо срочное от начальства.

«Уважаемая Ю.! – развернула я бумагу. – СС связан с контрабандой, в связи с чем делаю вывод, что он не является Шутником. На всякий случай проверь. Обязательно – любыми путями!!! – внедри «жучок» в его мобильный телефон. После получения необходимых для задержания сведений мы его аккуратно выведем из проекта, и ты уже спокойно займешься Шутником».

– А где «жучок»?

Сергей молниеносным движением сунул мне в карман. Хорошо, что в подобном костюме он был предусмотрен. Для чего – поди разбери.

– А я смогу управиться с этим?

– Да, здесь нет ничего сложного. Ты приклеишь его к сим-карте. Будь внимательна, иногда сим-карты находятся под аккумуляторами, придется его вынуть. Затем вернешь как было. «Жучок» маленький, корпус должен закрыться. Про-

верь, чтобы не оставалось щели, а то заметит, что кто-то вскрыл его телефон.

– Лады.

С минуту Серега молча меня разглядывал.

– Ты правда будешь в этом выступать?

– Ага.

Он хохотнул и ушел.

После вступительной речи, довольно долгой, кстати сказать, потому что спонсоров все прибавлялось и прибавлялось, тогда как участников уменьшалось, ведущий объявил меня выступать первой, причем со своей вечной соперницей – Настькой.

Когда я вышла на поле, трибуны взвыли от хохота. Как раз та реакция, о которой мы с Рашиком мечтали.

Что против нас Настька в предложенных мне вначале серебристых шортиках? Да, красивый вид сзади и не более. Конечно, ее даже никто и не заметил, не то чтобы запомнить. А тут мы с Рашиком – оба в коричневых костюмах лошадей, на голове у меня помимо звериной морды с черной гривой красуется красная бейсболка и перекинутый через шею шарф. Да и вообще, подумайте сами, какова идея: лошадь оседлала лошадь! А рядом будет идти и держать под уздцы такая же лошадь. Конечно, залезть на коня в таком одеянии уж как непросто, но чем-то приходится жертвовать. Сам Руслан, кстати, тоже карий, был устлан блестящими звездочками, сердечками и маленькими пони из фольги. Даже веду-

ший аплодировал нам, не отрывая взгляда от костюмов. Конечно, это ему только на руку – чем больше рады зрители, тем выше рейтинг, выше и его заработная плата.

Настя от черной злобы покрылась пятнами по всему лицу. Соревнование началось.

Мы влезли на коней (я при помощи Лукумидзе) и по команде пустились в ход, Кислякова посредством «тцу-тцу», я же сказала излюбленное: «Иди, конь!» – и указала рукой прямо перед собой. И Руслан повиновался, будто бы имел возможность видеть меня снизу, чем вызвал еще больший восторг зрителей.

Через несколько метров тренеры отпустили поводья, и мы с Настей пустились в «свободное плавание». Возле отметки перешли на рысь. Потом взяли высоту. Возле следующей отметки остановились (я изрекла «Стой!»).

...Когда прошли все участники (без доли скромности сообщу, что мы с Русланом были лучшими), нас отпустили на обед в ресторан. На этот раз кухня была европейской. И на этот раз половина участников в выборе лидера склонялась в мою пользу. О выступлении Кисляковой никто даже не вспомнил.

Также на роль обладателя первого места выдвигались Алексей и Кира. Лешка сумел сначала встать на коня на скаку, повернуться всем торсом к зрителям и помахать им руками, а затем даже встал на руки и держался так, пока лошадь шла рысью. Это было, конечно, непередаваемое зрелище, но

в то же время он был мастером, что шло вразрез с замыслом проекта, и для него это, видимо, не предоставляло такой сложности, раз даже тренировки не потребовались. А соседка по комнате учудила небольшой театральный спектакль. Она остановилась посреди пробежки и сумела использовать захваченный аксессуар – зонтик: стала целоваться с конем, представляя, что это возлюбленный, и закрывалась от публики при помощи раскрытого зонтика, иногда его приподнимая, чтобы частично удовлетворить любопытство и заодно доказать, что близость губ животного и человека действительно имела место быть. Остальные же ничего интересного не показали, демонстрируя только костюмы и белье известных марок. Впрочем, учитывая предвзятость жюри, я бы так сразу и не скидывала их со счетов.

Мы ели жареную картошку с шашлыком и салатами, запили кто вином, кто водкой, а кто чаем и говорили обо всем. Я же эти минуты использовала на то, чтобы поразмыслить над расследованием, которое никак не желало продвигаться.

Итак, Святослав, по мнению Акунинских, не связан с записками в следственный комитет. Зато оставшиеся пять человек могут быть связаны. Правильнее будет сказать – один из них имеет прямое отношение. И что, если это его удалят через час с проекта? Может он воспользоваться случаем и взорвать всех в прямом эфире, так как больше такого шанса ему не представится? Вообще говоря, если это человек более или менее адекватный, он должен дождаться, когда рейтинг

взлетит на небывалые высоты, то есть ближе к завершению проекта. И тогда ему остается – что? Верно, продержаться здесь как можно дольше. Выделывать что-то такое, чтобы набирать побольше баллов. Вот Святослав Сергеевич – яркий пример: на прошлом состязании он выбился в лидеры. Но когда он узнал, что какая-то задумка, связанная с островом, и, скорее всего, с контрабандой, провалилась, то стал вести себя спокойнее, и на лошади проехался без выкрутасов, вроде как не стремясь больше занимать первое место, да и вообще задерживаться в шоу. Зато другой человек...

Я скосила глаза влево. Сегодня Леша сел рядом со мной, чем вызвал еще больший негатив ко мне со стороны Насти, это было видно по глазам, которые пускали молнии и в него, и в меня.

Представлять Алексея в роли террориста – довольно сложное занятие, однако я не могу отрицать его явное желание остаться в проекте. Может, это желание связано с чем-то иным? Прославиться? Заработать большие деньги? Хм... Быть со мной рядом как можно дольше?..

Я стукнула по столу и вскочила на ноги.

Да что я такое удумала?! Бред полный.

Но ведь он сел рядом...

– Юля, что с тобой? – обратились ко мне все.

– Это у нее мания величия, – фыркнула Кислякова. – Поглядите, как легко из невинной овечки можно превратиться в мегеру с замашками королевы.

– Ты что, завидуешь ей? – вступилась за меня Кира. Это было неожиданно, посему я так и осталась стоять на месте, да еще и рот раскрыла.

– Садись, – потянул меня Алекс за рукав. – Я могу отодвинуться немного.

Настя при этих словах аж почернела и, скривив губы, удалилась из-за стола в дамскую комнату, громко хлопнув дверью: ведь выходило, якобы объект ее воздыханий наглым образом приставал к противнице, да так настойчиво, что та подпрыгнула с испуга. На самом деле, это было не так, и мы с Алексеем практически не касались друг друга под столом.

– Да нет, не в этом дело, просто... – замялась я, усаживаясь на место и утирая пот со лба. Хорошо хоть, я переоделась в гримерной обратно в привычную одежду перед тем, как прийти сюда. А то что-то тут очень жарко. – Просто я кое-что забыла сделать, а теперь вспомнила.

– Что именно?

– Ну, это... короче, я должна подруге позвонить, она очень волнуется. – Тут гениальная (сбив с себя спесь, поправлюсь: гениальная в кавычках) идея посетила мой усталый мозг. – У кого-нибудь есть черный мобильник?

– В каком смысле черный? Незасвеченная сим-карта? – принялся гадать сосед. – Федеральный номер? Закрытая линия?

– Да нет. Цвет такой есть – черный.

– Всего-то? – вроде бы расстроился Леша. Интрига рас-

сеялась. А так все загадочно начиналось: «черный мобильник»... – А у тебя какой?

– Серебристый. А нужен черный.

– Да зачем? – подключились все сидящие.

И понеслась...

– Моя подруга ведьма. Она отвечает только на звонки с черных телефонов, будь то стационар или сотовый.

– Ни фиги ж се! – округлил глазенки Роберт Казанских. – Во заливает!

– Seriously. У них, у ведьм, своя логика. Вроде как через черный цвет нельзя наслать порчу, или что-то там такое... Короче, они считают, что цвет этот защитный, потому и красятся в брюнеток, и носят черные одежды. А, может, и нет – я сама толком не понимаю. Просто просит подруга звонить ей с черного – и я звоню, вот и все. Так поможет кто?

– Да откуда она знать может, с какого цвета ей звонят? – недоумевал Роб.

Неоспоримая логика соучастника конкурса не заставила меня, однако, растеряться. Я постучала по виску и назидательно выдала:

– Она же *ведьма*! Экстрасенс! Их не обманешь.

– А раньше ты как ей звонила? – удивленно спросила Кира.

Ой, спалюсь я... Что ж делать?..

– Ну, раньше у меня тоже черный был. Теперь вот поменяла... Но домашний у меня в квартире черный. Я ей с до-

машнего всегда и звонила. А здесь-то как обойтись?

Большинство развело руками, а Алексей ткнул в Святослава Сергеевича, и тому пришлось, переложив дымящуюся и пахнущую чем-то сладким трубку в другую руку (ресторан предусматривал зал для курящих, в котором мы и очутились), достать из кармана черный мобильник (отмеченный мною раньше при тех же обстоятельствах – поход в ресторан) и протянуть мне, но не сказать чтобы с особым энтузиазмом. Впрочем, тот мне и не был нужен. То есть энтузиазм. А мобильный – очень даже.

Пока враг не успел опомниться, я подскочила (уже повторно за сегодня) и, на ходу выкрикнув волшебное слово благодарности, унеслась в туалет «звонить подруге ведьме», где столкнулась в дверях с Настей. Слава богу, она ничего не сказала и не сделала, просто молча вышла.

Поставить «жучок» взаправду оказалось делом несложным. Намного сложнее будет отвлекать СС некоторое время, до тех пор пока нужный разговор не засекут важные лица. Иначе он может насторожиться и проверить, зачем я уносила его телефон в уборную. На всякий случай я позвонила с него маме и немножко с ней пообщалась: во-первых, в памяти будет заложен неизвестный номер, вроде как я и вправду кому-то звонила, во-вторых, со счета спишут энную сумму – вроде как разговор состоялся. Да и продолжительность звонка опять же где-то зафиксируется.

Как только я отдала телефон, Святослав дернулся, словно

вынырнув из какого-то дурмана, взял его резко из рук и вышел с ним на улицу. Оставшийся вечер я была как на иголках – вдруг обнаружит имплантат? Но, к счастью, ничего этого не произошло.

Уж не знаю, с кем он там говорил и о чем, но как только объявили результаты голосования, и мы узнали, что Святослав Сергеевич занял последнее место (и по результатам этого выступления, и в совокупности – он получил сегодня всего десять баллов, так что даже то, что был лидером проекта, его не спасло), ему даже не дали слово сказать в микрофон, а прямо с прямого эфира увели под белы ручки граждане в форме, обвинив его в связях с контрабандистами острова... не помню названия, что-то вроде Омсху или как-то так... вот, якобы он помышлял торговлей коноплей, которая растет там, как у нас осока.

Конечно, мы все были в шоке и, пока шли до дома, только об этом и триндели. Не мудрено, что Рашику пришлось схватить меня за плечи, прежде чем я услышала, что он меня зовет.

– Ну и как тебе результаты голосования? – спросил, отведя в сторонку.

Небо было затянуто темно-серой дымкой, через ее завесу с трудом можно было различить звезды, но кругом не сказать чтобы было темно: фонари уже давно включили, и на нашей дорожке они стояли буквально в метре друг от друга. Вот в их свете я и разглядывала лицо своего незаменимого

помощника и вспоминала свое выступление, а также выставленные участникам оценки.

– Можно было ожидать и лучшего, – вздохнула я.

Мы с Кирой поделили второе место, после Леши, но по итогам двух соревнований я оказалась на третьем. Остальные трое участников получили сегодня мало баллов, только благодаря этому я в первой тройке. Но если бы сегодня дали первое... Эх.

– Блондынка, взгляни на вещи под другим углом! С последнего на третье подняться – это ба-альшой отрыв!

– А ты оптимист, однако, – хмыкнула я.

– Но я же не первый год... как это у вас... замужем! Столько видел всего, столькох училь! Сразу ничего не дается. В следующий раз будет у нас второй мест, а там, глыды, и до первого доберемся!

– Мне бы твою уверенность. Ну хорошо, ты что-то узнал о следующем номере?

– Да! – С таким вдохновением сие было изречено, что я даже перестала дышать, ожидая подробностей. Моего тренера явно что-то предстоящее радовало. – В следующий выходной знаешь что будет? Самба!!! – Отставил ногу в сторону и хлопнул в ладоши дважды, подняв потом одну руку кверху.

– Ах, ну да, как же.

Вот отчего он радуется, как младенец, получивший соску, поняла я. А мне вот с этой соской придется танцевать. И как, скажите на милость?

– И как? – адресовала я печаль своему спутнику, но тот не понял суть вопроса. Он вообще не понял, что это был вопрос.

Потому что ответил вот чем:

– И такь! И сякь!

– Здорово.

Москва, день 11-й

Сегодня Рашик меня особо не терроризировал. То есть он отвез меня к себе на дачный участок и попытался показать несколько па, но я была не слишком настроена на учения. Тогда он поступил, как истинный знаток женского естества – отвез меня в бутик! Выбирая платье для конкурса, честно сказать, я слегка приободрилась.

Приятный на ощупь шелк имел самый нежнейшей зеленый оттенок, который шел мне необычайно. Пышная короткая ассиметричная юбка подчеркивала стройность моей фигуры и длину ног. Да, из всех перемеренных мною одеяний (что составляло, кстати говоря, несметное количество) это было наилучшим!

Рахат выглядел таким счастливым, что даже усы у него неведомым образом при полном отсутствии внешних воздействий приподнялись, а зубы засверкали пуще прежнего, однако, не встретив ни единого солнечного луча – в бутике был неяркий искусственный свет. Отчего же сияли зубы и встали усы – осталось загадкой за семью печатями.

Лукумидзе под впечатлением бросился на колени прямо на грязный пол магазина и простер ко мне ручки:

– Ты говорил, что нет предела совершенству, но сейчас я видеть его перед своими глазами! Совершенство кырсоты!

Совершенство красоты? Однако! Кавказцы умеют делать комплименты.

Покраснев, я решила уточнить:

– Это ты про меня или про мое платье?

– Про тебя в твой платье!

– Отлично. Стало быть, мы его берем, – произнесла я, повернувшись к продавцу. Женщина, оставаясь донельзя серьезной (настоящий профессионал!), молча стала пробивать чек. – Рашик, можешь подняться!

– Ты выйдешь...

– Нет, не выйду, – тут же среагировала я.

– ...за мэня? Послушай, блондынка, – говорил мне, вставая с колен, – ты даже договорить не даешь! Нельзя отвечать, не дослушав вопроса! Что вы, русские, за люди такие?

– А мы телепаты, – хихикала я из примерочной, переодеваясь из гламурного стиля обратно в свой casual.

Неожиданно у меня возник вопрос, и, пока женщина-продавец, аккуратно сложив, прятала покупку в фирменный пакет, я спросила, позабыв про чувство такта:

– Слушай, а почему у тебя усы поднялись? Как ты это делаешь вообще? Что за фокус?

Мое любопытство, к несчастью, было удовлетворено. Эх,

лучше бы он смолчал!

– Понимаешь, блондынка, мои усы уникальны! Они напрямую связаны с одним органом...

– Все, молчи!

Москва, день 12-й

Сегодня мы с утра отправились на стадион репетировать: я, Рашик и Алексей с его тренершей. Времени нам было отведено до двух часов дня. Я по-прежнему не понимала, отчего тренируются только две пары, ведь никаких дорожек там уже нет и теоретически могли уместиться все (и Кира, и Рахат говорили, что это якобы для того, чтобы никто не видел умений соперника и не мог заранее узнать какие-то фишки будущего выступления, но это не объясняло, почему пары две, а не одна тогда), но все-таки была довольна, что меня в принципе пустили на стадион, да еще и так рано, а не в последний день, к примеру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.